

Шейла Нортон
У Элли опять неприятности
Серия «Романтическая комедия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11641760

Нортон Ш. У Элли опять неприятности : [роман] : ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора»;

СПб; 2014

ISBN 978-5-367-03055-6

Аннотация

Жизнь у Элли давно не ладится: муж сбежал к юной разлучнице, на работе проблемы, да и с дочерьми нет никакого сладу. Хватит ли ей сил, чтобы выдержать ворох свалившихся на нее неприятностей?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Шейла Нортон

У Элли опять неприятности

Моей семье – особенно моему мужу Алану, дочерям Черри, Дженни и Пиппе и маме Кей – с благодарностью за долгие годы поддержки

Sheila norton

The Trouble with Ally

© Sheila Norton, 2011

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014

Издательство выражает благодарность литературным агентствам Nova Littera SLA и Juliet Burton Literary Agency за содействие в приобретении прав

Глава 1

Думаю, в списке самых кошмарных событий и ужасных происшествий, способных разрушить вашу жизнь, заболевший кот находится всего-навсего на втором или третьем месте. Поэтому мне трудно объяснить тем, кто тогда не был со мной знаком, почему именно болезнь кота стала главным катализатором, заставившим меня слететь с катушек. А в результате я оказалась в настоящем ночном кошмаре, какого даже не могла вообразить в худшем из... ну, из моих обычных кошмаров. Если вдуматься, это трудно было объяснить даже людям, которые знали меня лучше всех на свете, так почему же я должна требовать понимания от вас, если с вами мы даже не знакомы? Ну все равно, надеюсь, вы меня поймете.

Возможно, вы прочтете мою историю и подумаете: «Это история несчастной, жалкой, старой коровы, которая сорвалась с привязи». А может быть, так: «Вот результат того, что в шестидесятые люди получили слишком много свободы; вот итог влияния поп-культуры и морального разложения нашего общества, разрушения института брака и традиционной семьи...»

Давайте с самого начала расставим точки над «и». Я предпочитаю вариант с несчастной старой коровой. Он меня ни чуточки не оскорбляет и, по-моему, вполне точно отражает суть всей этой истории. Так что не стесняйтесь и применяйте его в любой момент, если вам покажется, что он для этого подходит.

Итак, начнем с того дня, когда заболел кот.

Был необычайно холодный апрельский день за два месяца до моего пятидесятого дня рождения. Центральное отопление не работало, но я не позволила себе расстраиваться из-за этого. Я завтракала в перчатках и смирилась с тем фактом, что инженер, занимающийся центральным отоплением, сможет что-то поправить не раньше следующего понедельника. Се ля ви. Легкая прохлада еще никому не повредила.

– Когда я была ребенком, – сказала я моей младшей дочери Люси, – у нас не было центрального отопления. Ни у кого не было.

– А еще люди жили в пещерах и одевались в шкуры диких зверей.

– И нам приходилось соскребать лед с внутренней стороны окон в спальне и поддевать теплые вещи под пижамы...

– О боже! Мы опять обсуждаем тяжкую жизнь в былые времена? – с состраданием спросила у своей сестры Виктория, совершенно не обращая на меня внимания. Она появилась на кухне в паре свитеров поверх пижамы и ловко сцапала два кусочка хлеба, выскочивших из тостера.

– Это мои тосты! – возмутилась Люси.

– Сделай себе еще.

– Мама! Скажи ей!

Я невидима, и слушать меня нет никакой необходимости, но я должна говорить девице двадцати одного года от роду, чтобы она не смела трогать тосты девицы девятнадцати лет от роду. Красота.

– Загрузите посудомойку, когда закончите, – сказала я вместо этого.

Хлопнула кошачья дверца, и на кухню галопом влетел Кексик, как будто за ним гнались все псы преисподней.

– Что, холодно на улице, да, мальчик? – спросила Виктория, садясь за стол с тостом Люси на тарелке. Масло с поджаренного хлеба капало ей на колени.

Кексик вспрыгнул на стол, постоял несколько секунд, словно раздумывая, а потом его стошнило прямо на тарелку.

Дело было не в том, что его стошнило, а в том, что рвота была странного красного цвета. И еще в том, как кот выглядел.

– Он нарочно! – проскрипела Виктория. Она вскочила со стула и отошла подальше от стола; у нее на лице был написан ужас.

– Так тебе и надо, – спокойно заметила Люси, намазывая новый тост.

Кексик лежал на боку рядом с лужицей рвоты и тяжело дышал.

– С ним что-то не так, – сообщила Виктория. – Лучше отвези его к ветеринару, мамочка.

– Может, кто-нибудь поможет мне убрать? – сухо спросила я, глядя на часы. Мне приходилось беспокоиться одновременно из-за кота и из-за работы.

Виктория снова подошла к столу, глядя на оскверненную тарелку с плохо скрываемым отвращением. Я передала ей несколько вчерашних газет, и вместе мы собрали содержимое кошачьего желудка в газетный сверток, который отправили в мусорное ведро.

– Бедный старик, – ласково сказала Виктория Кексику, который смотрел на нее несчастными глазами. Она взяла кота на руки, невзирая на протестующее рычание, и, укачивая, как ребенка, углубилась в одностороннюю беседу о том, что он, возможно, съел какую-то неподходящую лягушку или мышку. Как только я закончила протирать стол вторым по счету дезинфицирующим средством, кота опять стошнило, на этот раз на верхний свитер Виктории, хотя кое-что досталось и нижнему. Несколько ярко-оранжевых капель попало на ее новые рождественские шлепанцы с глупыми собачьими мордами, а последняя порция снова выплеснулась на стол.

– Вот черт! – ахнула Виктория, роняя кота.

– Виктория! Поосторожнее с ним.

– Поосторожнее? Да ты посмотри на меня!

– Это все смоеся. Что ты стоишь, как на именинах, помоги мне убрать!

– Мама, какой смысл убирать, если он опять все загадит, как только ты закончишь?

– Мамочка, он дрожит! – прервала нас Люси, опустившись на колени рядом с Кексиком, который уже снова лег на бок и выглядел ужасно несчастным. – И он не хочет, чтобы я брала его на руки.

– Так и не трогай его! – рявкнула я. – Оставь кота в покое.

– Я достану переноску, – грустно сказала Люси. – Если, конечно, ты собираешься везти его к ветеринару.

– Мне пора на работу, – заявила Виктория, сбрасывая на пол вонючую кучу из двух своих свитеров и собачьих шлепанцев.

– А мне пора в колледж, – эхом откликнулась Люси, бросая переноску на пол рядом с безвольным телом Кексика.

Они исчезли наверху, в своих ледяных спальнях (но все-таки там было не настолько холодно, чтобы окна покрывались льдом изнутри, потому что я установила напротив их дверей электрический радиатор), и я услышала грохот их плееров, соперничающих друг с другом. Он перекрывал гудение двух придающих волосам объем фенов, сушилок лака для ногтей и бритв для ног. Я оглядела кухню. Пустая посудомоечная машина, неубранная рвота, разбросанная одежда. Мне невыносимо захотелось, чтобы моими единственными проблемами стали бритье ног и завивка ресниц.

– Кексик, – повторил ветеринар, глядя на меня поверх очков.

– Так его зовут, – виновато сказала я. – Дети были маленькие... Они любили яблочные кексы...

Он практиковал недавно. Предыдущий ветеринар к нам уже привык. Что еще важнее, Кексик тоже привык к нему. А когда этот, новый, попытался вытащить кота из переноски, тот вцепился когтями ему в руку.

– Мне кажется, ему больно, – объяснила я, одновременно пытаюсь договориться с Кексиком с другого конца переноски: – Давай, деточка, вылезай. Сейчас добрый дядя...

– Ай!

Доброму дяде в конце концов удалось вытащить Кексика на стол для осмотра ценой нескольких сантиметров собственной плоти. Кот лежал на боку, тяжело дышал и смотрел на меня обвиняющим взглядом.

– Он выглядит совсем больным. – Я уже начинала серьезно беспокоиться. – Его два раза стошнило, очень сильно, прямо на...

– Живот раздут, – проговорил ветеринар, ощупывая бока Кексика, который просто взвыл от боли. – Утром он мочился?

Мочился? Откуда я знаю? То есть обычно я за этим не слежу.

– Он выходил в сад.

– Похоже, это почки. Наверное, они отказали. Он ведь уже не молодой кот...

– Вы что хотите сказать?

Мне пришлось сесть. Я не была к этому готова. Дело плохо. Я-то думала, нам дадут противорвотное, выставят непомерный счет и посоветуют не давать ему есть лягушек. Ветеринар снова посмотрел на меня поверх очков:

– Мне придется провести обследование. Он обезвожен. Его нужно немедленно положить под капельницу.

– Его что, надо оставить здесь? Сейчас?

– Безусловно. Он очень тяжело болен. Мы позвоним вам позже. Нужно узнать результат...

– Но он поправится?

Его подарили Виктории и Люси на Рождество, когда им было десять и восемь. Я знаю, что обычно кошек на Рождество не дарят, но они были очень нежные маленькие девочки и ужасно любили животных. За несколько месяцев до этого умер наш старый пес, и дочери были безутешны.

– Он такой ЧУДЕСНЫЙ! – завопили они, как только увидели пушистого черно-белого котенка.

– Я буду любить его всю жизнь, – торжественно заявила Виктория, посадив кота к себе на колени и чуть не плача от удовольствия.

– Я люблю его больше всего на свете. – Люси не желала отставать. – Я люблю его даже больше, чем... яблочный кекс.

Ветеринар посадил мяукающего кота назад в переноску и позвал сестру, чтобы она отнесла пациента в больницу.

– Мы сделаем все возможное, – сказал он с понимающей улыбкой. – Разумеется.

– До свидания, Кексик! – крикнула я вслед удаляющейся переноске. – Будь хорошим мальчиком.

К тому времени, когда я выбралась на дорогу к городу, там уже образовалась пробка. На первом же красном светофоре я позвонила по мобильному на работу.

– А мы уже волновались, думали, что же с вами случилось, – сказала Гундосая Николя из приемной. Сарказм в ее тоне был почти осязаем, как будто меня шлепнули по носу влажной фланелевой тряпкой.

– Мне очень жаль, я никак не могла позвонить, когда уходила к ветеринару, потому что было еще только восемь тридцать. Вас все равно еще не было.

Загорелся зеленый свет, я выжала газ, и машина рванулась вперед с такой скоростью, что я выронила телефон.

– Алло? Алло? – кричала с полу Гундосая Николя. – Элли, вы здесь?

Нет. Я выпрыгнула из окна машины прямо на автостраду, корова ты глупая.

– Да, но я уронила телефон! – завопила я, пытаюсь успеть перестроиться в нужный ряд.

– Алло, алло, вы здесь?

– Ой, заткнись! – пробормотала я и пнула телефон, заталкивая его под сиденье.

В той части моего мозга, которая зарезервирована для волнений, была ужасная толкучка. У меня всегда отведено особое место для волнений, чтобы они не переливались через край и не попадали в ту часть, которая должна заниматься работой и отвечать за мою жизнь и здоровье, а также за жизнь и здоровье множества других людей. В секторе, отведенном для волнений, мысли толпились и раздувались, стремясь выбраться наружу и занять весь мозг, но я им этого не позволю.

– Я должна сосредоточиться на пробке, – сказала я волнениям, когда в очередной раз остановилась на красный свет. – Ложитесь и постарайтесь поспать.

Но они и не подумали. Из головы не шел Кексик, лежащий в переноске с полными боли глазами, отчаянно бьющий хвостом. И счет – точнее, то, каким я его себе представляла. Обследование, лекарства, рентген, капельница. Речь идет о больших деньгах – о больших деньгах, которых у меня нет. Не то чтобы Кексик того не стоил, но откуда же мне взять большие деньги, если их нет? Виктория отдает все накопления, даже если их и можно назвать большими, главной любви всей своей жизни (машине), а Люси, разумеется, будучи студенткой, не имеет никакого отношения к деньгам, которые можно назвать большими, а те, что ей время от времени достаются, очень быстро уходят на сидение в кафе, туфли и губную помаду. Главное волнение состояло в том, что мне придется просить денег у Пола. Опять.

В последний раз я просила у него денег на машину. Чтобы вернуть к жизни старушку «метро» после скорой и милосердной смерти на дороге M25 во время январской снежной бури, потребовалась сумма, которой мне хватило бы на новое сердце, легкие и всю систему пищеварения. Разумеется, я наивно и легкомысленно угодила прямоком в ловушку. Механик в гараже грустно покачал головой, притворяясь, что ему не хочется сообщать плохие новости, и пытаюсь скрыть масляный блеск в жадных глазах.

– Большая головка шатуна полетела, дорогуша, ведущий вал треснул, в днище дыра, покрышки лысые, дворники не работают, указатели не указывают, фары не горят.

И пепельница выпала.

Я отправилась к Полу с тяжелым сердцем. Дело не в том, что он мог отказаться помочь мне, – честно говоря, после того, как мы разошлись, он был настолько великодушен в финансовых вопросах, будто платил мне за то, что я разрешила ему уйти. Я ненавидела саму необходимость просить денег. В этом есть что-то унижительное. Как будто я говорю, что не могу справиться без него. И я действительно никак не могла обойтись без его зарплаты, вот в чем весь ужас. И как выкручиваются другие женщины? Наверное, у них есть неплохая работа, карьера, они занимают руководящие должности или играют в казино. Я тоже подумывала об этом, но по вечерам я слишком устаю, чтобы еще куда-то идти. В любом случае, Пол даже не поморщился, выделяя деньги на воскрешение моего автомобиля. И в конце концов, он отвечает за этого кота точно так же, как и я. Он сам его выбрал, единственного черно-белого котенка из целого помета чисто-черных, когда много лет назад мы отправились за рождественским подарком для наших дочерей.

– Давай возьмем вот этого, – сказал он, улыбаясь, когда Кексик взобрался на спины своих сестер и братьев, чтобы поближе рассмотреть нас. – Он особенный. И он мне очень нравится.

Но десятью годами позже он все равно его бросил, вместе с двумя дочерьми, домом, прудом и мною.

Я опоздаю на работу. Приеду значительно позже того времени, которое я сообщила Гундосой Николя. Я попала в поток возвращающихся из школы мамаш. По пути на работу я проезжаю мимо трех школ: старшей, в которую половина детей добирается самостоятельно, а другая половина считает, что ходить туда вообще незачем; начальной, куда мамы прибывают в маленьких «метро» или «фiestaх» с целым выводком малышей, чьи ранцы в два раза больше их самих, и требуется около получаса, чтобы затолкать их всех на заднее сиденье; и частной школы. Вот из-за нее у меня больше всего проблем. Мамы (или няньки) прибывают в новейших моделях «рэндж-роверов», в каждой машине по одному ребенку, причем эти драгоценные автомобили никак нельзя оставить дальше чем в двух ярдах от школьных ворот, какую бы опасность это ни представляло для окружающих. Подумайте, ведь ребенок может промокнуть под дождем, получить солнечный удар, его унесет невесть откуда взявшееся торнадо или просто похититель. В результате «рэндж-роверы» выются вокруг Академии Святого Николаса примерно так же, как самолеты кружат над Гэтвиком, ожидая разрешения на посадку. Естественно, после того, как ребенка высаживают у ворот, «рэндж-роверам» снова приходится выбираться из пробки, чтобы мама / нянька смогла уехать домой / к парикмахеру / в гольф-клуб / на гимнастику. Нет, я и не думаю завидовать этим везучим коровищам. Но теперь я сильно опоздаю на работу, потому что зажата между двумя «рэндж-роверами», водители которых вежливо пропускают друг друга, вместо того чтобы двигаться вперед.

Я медленно ехала за первым «ровером», словно приклеившись к его заднему бамперу.

– Давайте же, ДАВАЙТЕ! – бормотала я сквозь зубы, обращаясь к блондинке за рулем передней машины. – Ради Христа! Вы что, собираетесь весь день тут сидеть?

И в этот момент сзади меня стукнуло такси.

– Что, собственно, ты собирался сделать? – рывкнула я на таксиста. – Смять в гармошку мою выхлопную трубу? Или залезть на крышу?

– Мне очень жаль, милочка. – Он вылез из машины, судя по виду, ни капельки не раскаиваясь, и стал рыться в карманах куртки в поисках страховки. – Вот, пожалуйста, милочка. Страховая фирма все уладит. Не волнуйтесь.

Не волноваться? Это вы мне? Из-за сломанного бампера и болтающегося на одном винте номера? Из-за разбитого заднего фонаря и вмятины в багажнике? Слушайте, у меня хватает других поводов для волнений. Голова начинала болеть, а в горле сухо першило – обычно это означает, что у меня вот-вот начнется грипп или какая-нибудь редкая тропическая зараза. На часах уже половина десятого, и на работе без меня уже все кипит. И меня еще призывают не волноваться?

Я вернулась в машину и въехала на тротуар, чем глубоко возмутила трех малолетних на вид мамаш с детскими стульчиками, зато дала возможность рассосаться пятимильной пробке, которая образовалась, пока другие водители рассматривали мои повреждения. Потом я полезла под сиденье за мобильником. Нет сигнала. Проклятая штуковина дует из-за того, что я его уронила. Я попробовала снова завести машину, чтобы вернуться на дорогу. Не заводится. Гнусный драндулет дует из-за небольшого шлепка по попе. Справившись с желанием вылезти из машины и начать прыгать и колотить по ней ногами и руками, как злобная мартышка, я сосчитала до десяти, потом обратно до одного, после чего разумно и спокойно, не выказывая никаких признаков паники, вышла, закрыла машину и под ледяным дождем направилась к ближайшей телефонной будке.

– А мы уже решили, что не дождемся вас сегодня, – сказала Гундосая Николя.

– Да нет, я сейчас буду. Только дождусь мастера из Автомобильной ассоциации и сразу приеду. Надеюсь. Если с машиной ничего серьезного.

Лучше бы так. О, дьявол, лучше бы так.

– Так что передайте, пожалуйста, мои извинения Саймону, хорошо, Николя?

– Конечно, – вздохнула Николя, как будто это будет нелегко, но она уж как-нибудь постарается.

Весь обратный путь до машины я воображала, что запихиваю ее в маленький черный мешок и топлю в Темзе. Гундосая Николя была моей главной проблемой и единственной причиной моих неприятностей на работе. Вы, наверное, недоумеваете, каким образом служащая приемной (да к тому же совершенно бесполезная, чья манера спрашивать: «Не могу ли я вам чем-то помочь?») – заставляет большинство людей думать, что она даже пытаться не будет) сумела забрать в свои руки такую власть. Но удивляться тут нечему, и вы осознаете масштаб проблемы, если я скажу, что у Гундосой Николя роман с Саймоном, управляющим директором компании. Власть Саймона абсолютна, и ему приходится отвечать только перед одним человеком. Это его отец, владелец компании, который сейчас живет в Португалии, где в основном играет в гольф и занимается другими рискованными делами. Так что, если вы не нравитесь Николя, вы не нравитесь и Саймону. Николя нравятся люди вроде Джейсона, Карла и Дэниела, которые носят темные очки зимой и костюмы от лучших дизайнеров, называют ее «детка» и предлагают развлечь ее, если она надоест Саймону. Ей нравятся люди вроде Роксаны и Мелиссы, которые копируют ее прическу и одалживают у нее лак. И ей не нравлюсь я. Возможно, я напоминаю ей мать. Я не зову ее «Ник», мы не хихикаем и не сплетничаем. Так что я встала на опасную почву, и мое опоздание на работу даст ей повод пожаловаться на меня Саймону. Беда, видите ли, в том, что за последнее время я умудрилась опоздать на работу несколько раз.

В прошлый вторник мне пришлось ждать мастера, который должен был починить стиральную машину, а в среду я опять ждала его, потому что он так и не появился во вторник. А еще двумя неделями раньше, в пятницу, я проснулась в четыре часа утра от телефонного звонка. Звонила Люси, сообщившая, что застряла в Брайтоне, поскольку порвала с молодым человеком, который затащил ее туда на вечеринку, и просит меня немедленно забрать ее оттуда и отвезти в колледж.

И конечно, мне то и дело приходится возить маму в больницу.

Мама – еще одно волнение из особого отдела моего мозга. Ей восемьдесят, и мозги у нее в полном порядке, а вот все остальные части организма почему-то время от времени выходят из строя, соблюдая строгий распорядок. Сначала у нее становится плохо с ушами, потом с глазами. Вслед за этим начинают болеть зубы, им на смену появляются проблемы с легкими. Следующим выходит из строя желудок, за ним мочевого пузырь, и заканчивается все проблемой с ногами. Как только мы приводим в порядок ноги, цикл опять начинается с головы: постоянное и не утихающее сражение, в котором врачи всех специальностей борются с регулярными атаками ее болезней. Это было бы серьезным испытанием, даже если бы мы имели дело с милой, славной, безропотной старушкой, но она превратилась в сварливую особу с острым языком, которой доставляет особое удовольствие изобретать самые изощренные оскорбления и втыкать их, словно ножи, в горло тех, кто пытается помочь ей. Включая меня. Особенно меня.

– Не подгоняй меня! – кричит она, отталкивая руку, которую я протягиваю ей, когда мы возвращаемся к машине после очередного осмотра офтальмолога, ревматолога или гериатра. – Вечно вы так, молодежь! Всегда всех подгоняете!

И мы тратим двадцать минут на то, чтобы дойти от входа в больницу до тамошней автостоянки (где у меня уже практически личное место для парковки), и я злюсь и потею, и у меня поднимается давление при мысли о том, что будет с моей работой, если на нее наложат руки Саймон и Гундосая Николя. Мне вообще не нравится моя работа. Более того (знаю, знаю, что это ужасно звучит, но мне все равно придется сказать вам рано или поздно) – мне не нравится моя мама. Мне просто страшно подумать о том, сколько времени я провожу в обществе людей, которые мне не нравятся.

Мастер из Автомобильной ассоциации прибыл в четверть двенадцатого и завел машину с первой попытки. Он попытался утешить меня, уверяя, что это наверняка какая-то проблема со свечами или с распределителем зажигания. И в любой момент это может повториться, так что лучше все как следует проверить. Может быть, что-то произошло в тот момент, когда пострадали задний бампер и фонарь? Я не разговаривала с машиной всю дорогу до работы. Она выставила меня в совершенно дурацком свете перед этим мастером из АА, и если она думает, что я теперь отдам кучу денег за новый бампер, то пусть думает дальше. Выходя, я как следует хлопнула дверью, чтобы показать ей, кто из нас хозяин, и табличка с номером свалилась в лужу.

– Ну вот и вы, – сказала Николя, когда я вошла в приемную. Она откинулась в кресле, выставив одну руку так, как будто ждала, пока высохнет лак на ногтях. Держу пари, что она таки действительно ждала именно этого.

– Да, вот и я, – уныло согласилась я.

– Я все рассказала Саймону, – надменно процедила она. – Он хочет вас видеть. У себя в кабинете.

Ее улыбка была ужасна. Нет, ее мало утопить в черном мешке. Я напрягла фантазию, представляя себе изощренные орудия пытки.

Когда я вошла в кабинет, Саймон даже головы не поднял.

– Я попала в ДТП, – выдавила я. – Меня такси стукнуло...

– Серьезные повреждения? – спросил он, все так же не поднимая взгляда.

Мне захотелось как следует встряхнуть этого жалкого маленького ублюдка. Хоть бы посмотрел на меня, хоть бы поинтересовался, все ли со мной в порядке. «Серьезные повреждения»? Как будто ему есть до этого дело!

– Ничего особенного. Две сломанные ноги, вывихнутое плечо, ампутация руки и сотрясение мозга.

Он медленно уставился на меня, явно озадаченный:

– Я имел в виду машину.

Ну да, конечно.

– Ничего такого, чего я не могла бы простить, – ответила я.

Он все еще выглядел озадаченным. Ну разве это не подло? Где в жизни справедливость, если такой человек, как Саймон, сидит за большим пустым полированным столом, чувствуя себя ужасно важной шишкой, и совершенно не понимает ни иронии, ни сарказма? Он принялся барабанить ручкой по столу, видимо желая создать у меня впечатление, что он думает.

– Садитесь, Элисон, – вымолвил он наконец, снова не глядя на меня.

Ну вот, пожалуйста.

– Я... э... не могу сказать, что вы плохо работаете.

Разумеется, вот оно. Я задержала дыхание и сжала пальцы в кулаки.

– Все дело в том, как вы распределяете рабочее время.

– Я знаю. Я знаю, и мне очень жаль... – отчаянно начала я, ненавидя себя за это отчаяние и ненавидя его за то, что он заставляет меня это говорить. – У меня было много проблем, но, надеюсь, теперь...

– Все дело в том, – проронил он, наконец подняв голову и глядя на меня холодным, лишенным интереса взглядом. – Все дело в том, что компании слишком дорого обходятся эти пропущенные вами часы. Попробуйте встать на позицию компании, Элисон.

Ну да, какая же я дурочка. А я-то волновалась по поводу закладной и телефонных счетов.

– Но я всегда стараюсь отработать пропущенные часы, – сказала я, стараясь, чтобы это прозвучало как справедливое негодование, а не как униженная мольба. – В прошлый вторник

я работала допоздна из-за мастера по стиральным машинам и отрабатывала во время ланча за тот день, когда мне пришлось поехать к врачу из-за маминой катаракты.

– Надежность ничем не заменить, – назидательно сообщил Саймон. Он откинулся на спинку кресла и повторил свое изречение медленно, как молитву: – Надежность... ничем... не... заменить.

Мы смотрели друг на друга через полированную поверхность стола. У него были рубашка от Пьера Кардена, папа в Португалии и полное отсутствие проблем. А мне нужно было оплатить закладную и телефонные счета, мой кот лежал под капельницей, от машины отваливались самые нужные детали, и сердце мое переполняло отчаяние.

– Пожалуйста, – сказала я. Голос у меня дрожал. – Пожалуйста, дайте мне еще один шанс. Я буду надежной. Я буду думать о компании. Я... я скажу машине, чтобы она не ломалась... – Я подумала, не предложить ли мне отдаться ему, но решила, что он не поймет шутки.

– Что ж.

Он встал и подошел к окну. Моя судьба безвольно повисла у него в руках.

– Я человек справедливый, – сказал он, обращаясь к цветку в горшке на подоконнике. – Назовем это серьезным предупреждением. Вы согласны со мной, Элисон?

Цветок ничего не ответил.

– Это так справедливо, – услышала я чей-то жалкий, заискивающий голос. – Спасибо вам, Саймон. Я высоко ценю...

– Но это серьезное предупреждение будет занесено в ваше личное дело.

Жалкое заискивающее существо кивнуло в знак согласия. Ну конечно, в личное дело. Ничего другого я не заслужила. Публичная порка подошла бы больше, но тут уж ничего не поделаешь, сойдет и личное дело.

– И если что-то подобное еще хотя бы раз повторится, Элисон, я не стану делать никаких исключений.

– Конечно. Я понимаю.

– Никому не нравится увольнять своих служащих.

Неприкрытая угроза. Она вибрировала в воздухе между нами, вызывая у меня ответную дрожь.

– Спасибо вам, – еще раз повторила я, встала и выскочила за дверь, как мышь, волоча за собой хвост собственного позора.

– Как все прошло? – глупо улыбаясь, спросила Гундосая Николя, когда я проходила мимо ее стола по дороге в свой кабинет.

– Спасибо, чудесно. – Я улыбнулась ей: – Он классный парень, правда?

– Звонил ветеринар, – сообщила Люси, когда я вернулась домой, проведя на работе лишних два часа, чтобы отработать пропущенное время. – Кексик останется у него еще как минимум на две ночи, пока его состояние не стабилизируется, а потом он всю жизнь будет принимать лекарства.

– Всю жизнь? – Я обалдело уставилась на дочь. – Пока не стабилизируется? А что с ним?

– Что-то с почками, кажется. Он сказал, дело было очень серьезное, но он надеется, что состояние стабилизируется.

Я набрала номер приемной.

– Я не могу себе этого позволить. – Я попыталась прошептать это в трубку так, чтобы Люси меня не услышала. – У меня нет страховки для домашних питомцев.

Я чувствовала себя как в телевизионной рекламе этой самой страховки: «ЭТА семья не купила нашу страховку. А ЭТА семья купила!» Камера переключается на сияющих, ослепительно улыбающихся маму и папу, которые с нежностью наблюдают за ухоженными детьми,

играющими с благополучно вылеченным питомцем. Угадайте, какая семья пожалела, что вообще появилась на свет?

– К сожалению, у вас нет выбора, – ответил ветеринар серьезным профессиональным тоном, означающим: «я-все-равно-заберу-ваши-деньги». – Кексик не сможет жить без этих лекарств. Если он не будет получать их, вам лучше его усыпить.

– Кексик поправится? – спросила Люси, тревожно глядя на меня, когда я повесила трубку.

Я постаралась придать своему лицу спокойное и серьезное выражение, которое умеют придавать лицу только матери, и обняла ее:

– Да, он поправится.

Дело в деньгах, вот и все.

– Привет, Пол дома?

Вот черт. Как будто мало того, что я должна звонить Полу и просить у него денег, обязательно к телефону должна была подойти проклятая Линнетт. Если бы мне не так нужны были деньги, я бы повесила трубку. Нет ничего хуже разговоров с Линнетт. Уж точно я предпочла бы сунуть голову в огонь, потому что в таком случае мозги у меня закипели бы не так скоро.

– Ой, привет, Элли! – зачирикала она, как волнистый попугайчик в момент оргазма. – Как дела? Как девочки?

Как сажа бела.

– Спасибо, чудесно, – кисло сказала я.

– Я сейчас позову Пола. ПОЛ, ДОРОГОЙ!

Я стиснула зубы от ярости. «Пол, дорогой»? Дайте мне отдышаться. На минуточку, это мой муж. Мы с ним познакомились, когда ты еще в пеленках лежала, и я отлично знаю, как он ненавидит эти пошлые выражения.

– Элли, дорогая! – сказал Пол, взяв трубку.

Она его перевоспитала. Сука.

Эта самая Линнетт, помимо того, что она украла у меня мужа и была на двадцать лет моложе меня, ужасно раздражала меня своим снобизмом. Кем, собственно говоря, она себя считает? Ничего особенного в ней нет. У меня даже были серьезные сомнения в том, что ее действительно зовут Линнетт. Я подозревала, что ее настоящее имя – Линн, а окончание она добавила, чтобы казаться миленькой малышкой. Она работала медсестрой в частной больнице и никогда не упускала возможности упомянуть об этом в разговоре, как будто это выгодно отличало ее от нас, жалких рабов государственной системы здравоохранения. Если судить по ее словам, можно было подумать, что она лично проводит там все операции.

– Ах ты, бедняжка! – сказала она, узнав о моих частых поездках в Вестерхэмскую больницу, пытаясь тоном выразить свое сомнение, что кто-то может от чего-то вылечиться в таких условиях. – Если бы ты могла себе позволить частную клинику!

Ну а я не могу. Даже для кота.

– Я насчет кота, – сказала я Полу, не желая ходить вокруг да около. – Он болен.

– Это серьезно?

Глупо, смехотворно, но глаза мои наполнились слезами. Вечно одна и та же история, когда я разговариваю с Полом о таких вещах. Когда Люси сломала запястье, упав с лестницы в ночном клубе. Когда Викторию срочно увезли в больницу с аппендицитом. Когда в ванной прорвало трубу и в гостиной обвалился потолок. Со мной все было в порядке, я держалась, я не разваливалась на кусочки до тех пор, пока я не слышала его голос. Густой, сильный, всегда обнадеживающий, он в таких ситуациях звучал так, будто мы ему до сих пор безразличны.

Как же мне хотелось толкнуть его в грудь и заорать: «Если мы тебе небезразличны, почему ты ушел?! Почему, почему, почему ты не возвращаешься?!»

Но, разумеется, он беспокоился не обо мне. О сломанном запястье Люси, об операции Виктории, о потолке в гостиной, о заболевшем коте. Ко мне все это не имело никакого отношения.

– Как будто довольно серьезно, – проговорила я, проглотив слезы. – Что-то с почками. Ветеринар положил его под капельницу...

– Бедняга Кексик. Несчастный малыш. Девочки, наверное, расстроились.

И я тоже! Я тоже чертовски расстроилась! Утешь меня! Позаботься обо мне! Вернись ко мне!

– Да. Он, конечно, постарел, но все равно...

– И что говорит ветеринар, есть надежда? Он выкарабкается?

– Он говорит, что положение стабилизировалось. Но ему придется принимать лекарства до конца жизни. – Последнюю фразу я произнесла очень быстро, чтобы она не казалась такой неприятной.

– Конечно, все, что потребуется. Ради бога. Мы не можем позволить ему умереть. Бедный, бедный малыш.

– Я знаю. Зря я не купила для него страховку.

Семья из телевизионной рекламы со своими очаровательными детьми и пышущим здоровьем лабрадором возникла передо мной словно наяву, и все они показывали мне средний палец.

– Тебе нужно помочь оплатить счета от ветеринара, – прозаично констатировал Пол.

Это бесило меня. Меня бесило, что он знал, зачем я звоню. Не за сочувствием, не для того, чтобы сообщить ему о болезни кота, а потому, что мне нужны деньги.

– Да. Прости, я знаю, что прошло совсем мало времени с тех пор, как ты давал деньги на машину...

– Тут уж ничего не поделаешь.

– А я сегодня попала в аварию. Мне в задницу врезалось такси. – Я не собиралась говорить ему об этом. Какого черта сказала? Как будто я еще не знаю, что мне снова понадобятся деньги на машину!

– Господи, Элли! С тобой все в порядке?

На этот раз слезы потекли через край. Я не могла ему ответить. Я всхлипывала, и слезы скатывались с кончика носа прямо мне в рот.

– Элли? В чем дело? Ты ранена?

– Нет, – выговорила я в конце концов и высморкалась. – Нет, со мной все в порядке. Да ничего особенного и не произошло. Это было просто... неприятно.

– Слушай, ну тебе прямо не везет в последнее время. Бедняжка моя. Слушай, скажи ветеринару, пусть посылает счета прямо мне, хорошо? И дай мне знать, если опять потребуется чинить машину. И береги себя, ладно? Будь осторожна.

Будь осторожна. Ах ты, дрянь такая, мерзавец, да как ты можешь так говорить? Зачем делаешь вид, что заботаешься обо мне, когда на самом деле тебе на меня наплевать? Ты ушел от меня к двадцативосьмилетней девчонке и разбил мне жизнь! И я хочу ненавидеть тебя, но не могу.

Я повесила трубку, яростно высморкалась, обернулась и обнаружила, что на меня смотрят Люси и Виктория.

– Выпьешь чаю, мамочка? – спросила Виктория, обнимая меня.

– Я приглашена на ужин, – выпалила Люси, быстренько чмокнув меня в щеку. – Сядь, мам, и вытяни ноги.

Опять он заставил меня плакать! Кому вообще нужны мужчины? Обо мне позаботятся мои дочери, правда ведь? С их помощью я выдержу очередной кризис, выживу, и смогу рассказывать о нем сказки, правда ведь?

С их помощью и с деньгами Пола.

Глава 2

В тот период я еще ничего не знала о вечеринке. Вечеринку, с самыми лучшими намерениями, держали от меня в секрете. Это был сюрприз в честь моего пятидесятого дня рождения, который в глубокой тайне готовили мне дочери при полном одобрении и поддержке моей матери. Думаю, мне следовало бы быть более благодарной, но, честно говоря, я не очень люблю сюрпризы, потому что вечно реагирую на них не так, как надо. Я знала женщину, которая однажды уехала из дому на неделю, а вернувшись, выяснила, что ее муж снес две стены и пристроил к дому оранжерею. Она чуть с ума не сошла от радости. А я? Я бы пришла в ярость из-за того, что со мной не посоветовались, что без меня все распланировали, приняли решение и выбрали оконные рамы. Я бы все испортила.

В доме происходили странные вещи, смысл которых я поняла только потом. Раздавался телефонный звонок, и одна из дочерей бросалась к трубке, чуть не сбивая меня с ног и захлопывая дверь, чтобы я не услышала разговора. Я относилась к этому на счет девичьих романтических переживаний и не придавала поведению детей особого значения, но были и другие странности. Бурные прения над таинственными списками мгновенно затихали при моем появлении, а листки бумаги куда-то исчезали. Суббота, следующая за днем моего рождения, в календаре была обведена красным кружком, и когда я спросила почему, дочери обменялись весьма странными взглядами, а потом заявили, что меня приглашают на праздничный ужин, так что лучше бы мне освободить вечер. Освобождение вечера для меня перестало представлять проблему где-то в 1969 году, так что я заверила девочек, что не стану принимать никаких предложений и с удовольствием проведу этот вечер с ними.

– Бабуля тоже будет, – сказала Люси с улыбкой, которая показалась мне очень многозначительной.

Ну хорошо. Нельзя же получить сразу все.

Поведение матери тоже казалось мне странным. Она все время посматривала на меня и улыбалась противной хитрой улыбкой.

– В чем дело? – спрашивала я у нее. – Чему ты радуешься?

Вы должны понять, почему я нервничала. Во-первых, обычно она не улыбается, а во-вторых, мне не нравилась мысль, что она что-то затекает. Наверняка из-за этого мне опять придется пропускать работу – например, это будет очередной недуг или боль в каком-то необычном месте. Вряд ли можно рассчитывать на то, что дело ограничится вросшими ногтями на ногах или геморроем.

– Ничему, – сказала мама. – Я просто думаю. Может человек подумать о чем-то своем, правда?

– Это, – пробормотала я, – зависит от того, о чем человек думает.

– По крайней мере, тебе нечего волноваться, – легко ответила она, все с той же улыбкой, как будто смеясь над какой-то только ей понятной шуткой.

Не люблю я таких шуток. Кто-нибудь обязательно чувствует себя при этом не в своей тарелке. В данном случае это была я, и меня это очень тревожило.

– Что ты хочешь в подарок на день рождения, мамочка? – спросила Виктория, очевидно, для того, чтобы сбить меня со следа, хотя следа я и не нюхала.

– Лекарства для кота, – сказала я. – И бампер для машины.

– Этим займется папа, – беззаботно ответила дочь. – Я тебе цветочков принесу.

Мы забрали Кексика от ветеринара утром в субботу. Он забился в угол в своей переноске и выглядел одиноким и несчастным. Одна лапа была выбрита – туда ставили капельницу.

– Бедная моя детка! – проворковала Виктория, открывая переноску и засовывая туда руки.

Кексик в замешательстве уставился на нее и тихонько зарычал.

– Он нас не узнает! – ахнула она и стала осматривать его в поисках еще каких-нибудь повреждений.

– Это все лекарства, – авторитетно заявила Люси. – Это из-за них он сам не свой. Может, он теперь совсем одряхлеет.

– Я уверена, что с ним все будет в порядке, как только вы заберете его домой, – снисходительно улыбнулась медсестра. – Он просто немного травмирован всей этой историей. Правда, мальчик?

Кексик повернул голову на звук голоса сестры и с любовью уставился на нее. Люси зыркнула на нее с неприкрытой ненавистью.

– Итак, с вас сто тридцать девять фунтов семьдесят пять пенсов, – с сияющей улыбкой объявила сестра. Судя по ее виду, большая часть суммы должна была пойти к ней в карман.

– Не могли бы вы послать счет моему супругу? – улыбнулась я в ответ. Экс-супругу. Отдельно живущему супругу. Супругу, который давно уже вовсе не супруг. – Мистер Пол Бриджмен, Тайлхаус-Мьюз, тридцать два «а».

Улыбка моментально стерлась с ее снисходительного лица. Она положила руку на кошачью переноску, как будто боялась, что та убежит.

– Мы настаиваем на внесении платы сразу после окончания лечения, – твердо сказала она, указывая на объявление у себя за спиной: «Мы настаиваем на внесении платы сразу после окончания лечения».

– Лечение еще не закончено, – заметила Виктория. – Вы сказали, что он должен будет принимать лекарства всю оставшуюся жизнь.

– Каждое новое предписание оплачивается, как отдельный курс лечения, – пропело чудо в белом халате, указывая на другое объявление, гласившее – угадайте, что? Меня ужасно заинтересовало, сколько еще объявлений она выучила наизусть. Но я справилась с желанием проверить ее на знание схемы «Правильный вес для вашего питомца» и рекламы программы страхования домашних животных (с неизменной счастливой семьей и их лабрадором).

– Итак, с вас сто тридцать девять фунтов семьдесят пять пенсов, – повторила сестра, улыбаясь уже не так широко. – Пожалуйста.

– У меня их нет, – прошептала я.

Я оглядела приемную, не желая, чтобы кто-нибудь стал свидетелем моего позора. У двери сидела пожилая леди с пожилым же пуделем на коленях, и двое детей принесли кого-то маленького и шустрого в картонной коробочке.

– Прошу прощения? – повысила голос сестра.

– У меня их нет, говорю. У меня вообще нет денег.

В моем воображении приемная мгновенно превратилась в сцену мюзикла. Пожилая леди и двое детей вскочили на ноги и приняли позы, выражающие справедливое негодование:

У нее нет денег?

У нее нет денег!

У нее нет денег для кота!

У нее нет денег?

Совсем-совсем нет денег!

Вот это да, вот это красота!

В центре приплясывала медсестра, прижимая к себе переноску с Кексиком и напевая низким голосом арию злодея:

Денег нет! Стыд и срам!
Я кота им не отдам!
Пусть они НЕМЕДЛЕННО ЗАПЛАТЯТ!

Шерсть на загривке у пуделя становится дыбом, и он начинает лаять; маленькое скребущееся существо злобно царапает свою коробку, а весь персонал ветеринарной клиники вступает в качестве хора:

Денег нет! Стыд и срам!

– Мама! – испуганно прошептала Люси, трясая меня за плечо и заглушая музыку. – Мама! Что мы будем делать?

– Если бы у меня были деньги, – скорбно протянула Виктория, – я бы за него заплатила...

– И я тоже, – храбро присоединилась к ней Люси, открывая свой кошелек и демонстрируя мне монетку в два фунта и несколько медяков.

– Что мы будем делать? – повторила я. – Мы опять позвоним вашему отцу, разумеется.

И герой появится на сцене, прогнав злодея одним взмахом своего бархатного рукава и королевским жестом бросив на стол мешок золота. Деньги? И это все? Вот – возьмите сколько хотите. Для меня они ничего не значат. Отпустите только на свободу моего дорогого Кексика... Оркестр играет туш, и герой заключает героиню в объятия...

– Пол? Да, это я. Слушай, у нас тут небольшая неприятность. Мне очень неловко просить тебя об этом, но не мог бы ты... Ты уверен, что это не сложно? Ладно, тогда скоро увидимся.

Мы сели и стали ждать, а Кексика сестра затолкала обратно в переноску и унесла, чтобы мы с ним не сбежали. Пожилая леди отправилась со своим пожилым пуделем в смотровую, чтобы ему вскрыли нарыв, а потом туда же двинулись дети, чтобы проверить, нет ли у обитателя картонной коробки блох и вшей.

– Привет, Элли, дорогая! Мне очень жаль, я торопилась, как могла!

Он прислал Линнетт. Как он мог? Ненавижу его. Никогда не прощу. Как он мог так унижить меня? Я устала в пол. Девочки встали, откашлялись и постарались быть вежливыми.

– Пол совсем забыл, – прочитала она. – У него встреча.

В субботу? Встреча с собакой, встреча с бегами? Встреча разумов?

– И поэтому он попросил меня приехать с чековой книжкой. Маленькая спасательная операция!

Линнетт радостно захихикала, как будто только что не нанесла мне самое страшное оскорбление в моей жизни. Общая чековая книжка? Его и ее? Чтобы спасти меня от финансовой катастрофы? Это она-то, которая, не пошевелив ни одним пальцем, заполучила мужчину, твердо стоящего на ногах, мужчину с состоянием, которое я помогала ему создать, мужчину, о карьере которого я заботилась с того дня, как его взяли на нулевой уровень? Чью чековую книжку она же у меня и украла?

– Спасибо, но я как-нибудь обойдусь. Обойдусь без этой вашей спасательной операции, – холодно процедила я, все так же глядя в пол.

На полу были пятна крови. Пустующая сука? Собака с открытой раной? Подравшийся кот? Нарыв пожилого пуделя? Или мое кровоточащее сердце?

– Мама, – прошипела Виктория, усаживаясь рядом со мной. – Послушай, мы должны взять чек. Кексику нужно...

– Я достану деньги каким-нибудь другим способом, – яростно выпалила я, глядя вверх, на ее юное, встревоженное лицо. – Займу у кого-нибудь. Возьму в банке. Я...

– Я понимаю, что ты чувствуешь, – сказала Линнетт несколько удивленно.

– Нет, не понимаешь, – огрызнулась я.

– Но я буду просто счастлива помочь.

Я наконец взглянула ей в лицо – такое молодое, гораздо моложе моего, ни одной морщинки, с идеальным макияжем, несмотря на субботнее утро; лицо, обрамленное волнами выющихся рыжих волос, с невероятно искренними серо-зелеными глазами под длинными ресницами. И мне так захотелось как следует стукнуть ее по этому идеальному лицу, что даже пришлось сесть на руки.

– Мне не нужна твоя помощь, – сказала я твердо и громко. Так громко, что из соседнего кабинета принеслась мисс Белый Халат, топоча, как норовистый пони.

– Все в порядке? – нервно спросила она.

Интересно, и что она сделает, если я начну безумствовать? Если я схвачу со стены огне-тушитель и направлю струю пены прямо на голову Линнетт? Если я сорву плакат с рекламой страховки, брошу его на пол и примусь топтать ногами? Если я разобью стеклянную дверцу шкафчика с лекарствами и разолью по всей комнате жидкость из бутылочек со средством от блох и шампунем для собак прямо на объявление об оплате после окончания лечения, новые предписания и витрину с пищалками?

– Я хочу поговорить с ветеринаром, – произнесла я новым, твердым и громким голосом. – Немедленно. Прошу вас.

Ветеринар вышел из смотровой, вытирая руки туалетной бумагой.

– Миссис Бриджмен! – весело сказал он, нисколько не сомневаясь в том, что правильно произносит мое имя, поскольку только что сверился с записями. – Чем я могу вам помочь?

– Вы очень поможете мне, – сказала я ему не терпящим возражений голосом, – если НЕ будете настаивать на внесении оплаты после завершения лечения.

– Прошу прощения? – Он оглядел комнату, очевидно, в надежде на внезапное просветление. – Я не вполне понимаю?..

– У меня нет денег, – сказала я голосом «не уступлю ни пенса». – Но ваш счет оплатит мой муж. Я очень прошу вас направить квитанцию ему. Пожалуйста.

– Или вы можете дать квитанцию мне, и я оплачу ее немедленно, – улыбнулась Линнетт.

– Нет, ты не станешь ее оплачивать.

– Мама! – прошипела Люси. – Не занудствуй.

– Возьми ее несчастный чек, – прошипела Виктория. – Кого это, черт побери, волнует!

– Меня волнует! – ответила я. – Она не будет платить за нашего кота, вот и все.

Я изо все сил удерживала свой разум, который жаждал вернуться в мюзикл.

– Будь разумнее, Элли, дорогая, – сквозь зубы процедила Линнетт. – Это та же самая чековая книжка, которой воспользовался бы Пол, если бы счет прислали нам.

– А я не хочу, чтобы ты подписывала чек.

– Это папины деньги, – сказала Виктория. – Ты же знаешь. Это не ее деньги.

Конечно нет. Свои она наверняка потратила на ресницы.

– Если вы не заплатите сейчас же, – раздраженно заявил ветеринар, – боюсь, я не смогу позволить коту покинуть здание.

– Мама! – взывала Люси. – Это просто нечестно по отношению к Кексику!

– Это аморально, – холодно обратилась я к ветеринару. – Как не стыдно держать его здесь, если ему уже лучше.

– Но все равно его нельзя забирать домой без лекарств!

Козырная карта. Туз пик. Лекарства. Они лежали здесь, на стойке. Я их видела. В этот момент мисс Белый Халат взяла коробочку и сунула ее в карман. Ну спасибо тебе, дрянь.

– Если мы заплатим за лекарства сейчас, – голос мой стал почти похож на обычный, робкий и застенчивый, – вы согласитесь отправить счет моему мужу? Пожалуйста!

Ветеринар посмотрел на меня, посмотрел на Линнетт с ее безупречной улыбкой и безупречным макияжем, которая уже занесла ручку над раскрытой чековой книжкой, посмотрел на Белый Халат, покачал головой и пожал плечами:

– Я не понимаю, зачем... не вижу никакой разницы...

– Я тоже, – пробормотала Люси.

Стало быть, я спятила. Балансирую на грани нервного срыва. Им надо быть настороже, не то я впаду в бешенство и разгромлю их приемную. Но внезапно Виктория заговорила новым, твердым и громким голосом, который она каким-то мистическим образом унаследовала от меня:

– Это имеет значение для моей мамы. И дело тут не в деньгах. Папа немедленно отправит вам чек. Так что, пожалуйста, позвольте нам заплатить за лекарства и забрать нашего кота.

Это было великолепно. Прозвучало спокойно и внушительно. По крайней мере, на меня она произвела впечатление, и поскольку никто другой не сказал ни слова, мне оставалось только предположить, что все они прониклись пониманием происходящего. Линнетт подписала чек на лекарства, передала его ветеринару, и из кармана медсестры снова возникла коробочка с таблетками. Кексика передали под нашу опеку. Равновесие сил было восстановлено.

– И будьте осторожны, – предупредил ветеринар, когда мы повернулись, чтобы уходить. – Будьте осторожны, когда выпустите его на улицу. Смотрите, куда он ходит.

Это еще что такое? Угроза похищения? Ваш кот не будет в безопасности, пока мы не получим деньги?

– Разве сестра вам не объяснила?

Сестра со смущенным видом изучала ногти на руках.

– Часто почки отказывают подобным образом при отравлении.

– Отравлении?

У меня в голове прогремели четыре драматических аккорда: «Та, та, та, ТА!» Появился негодяй, сжимающий в руках бутылочку с надписью «ЯД», с черепом и скрещенными костями.

– Возможно, средство от вредителей. Они хуже всего. Садовники не понимают, что их могут съесть кошки. Они очень ядовиты. Коту повезло, что он не погиб.

Погиб. Какое обманчивое слово. Звучит мягко и сонно, как «гибкость», «гибискус» или «гиббон», и заманивает напрямик к смерти, куда вас любезно сопровождают средства от вредителей.

– Вот бы узнать, где их берут, – злобно пробормотала я и многозначительно посмотрела на Линнетт, которая убирала свою чековую книжку – чековую книжку Пола – в сумочку. От моего тона вздрогнул даже Кексик.

Ладно, все иногда говорят подобные вещи. И при этом ничего такого не имеют в виду.

– Это ты зря, Элли, – укорила меня Линнетт хнычущим голосом в стиле «и-это-после-всего-что-я-для-тебя-сделала», когда мы вышли из приемной и направились к своим машинам.

– Шутка, – кисло ответила я.

Она открыла дверь своего сверкающего красного «пежо». Оттенок идеально подходил к цвету ее лака для ногтей и губной помады. А что она будет делать, если решит сменить

лак? Купит новую машину? Она мрачно смотрела на меня, стоя одной ногой в машине, как на рекламе «пежо». Потом покачала головой, как будто махнула на меня рукой. Не стоит тратить силы. Слишком глупо. В конце концов, у нее в этой игре все выигрышные карты, правда ведь? Чековая книжка принадлежит ей. И Пол тоже.

– Ладно, до встречи, Элли. Пока, девочки. Увидимся седьмого июня, если раньше ничего не случится.

И она исчезла вдали под урчание мотора красного «пежо», а я стояла, вертела в руках ключи от машины и изнемогала от смущения.

По дороге домой тишину в машине нарушали только тревожные подергивания плечами, поднятые брови и толчки локтями на заднем сиденье. В конце концов девочки попытались заинтересовать меня новой темой:

– Ну ладно, а что у нас на обед?

– Что будет седьмого июня? – немедленно огрызнулась я.

– Ничего, – ответила Люси.

– Понятия не имею, о чем это она, – сказала Виктория.

– Ну конечно. Просто не верится. Скажите мне, что это неправда. Скажите, что вы этого не делали. Вы же этого не сделали, да? Не могли же вы пригласить эту... эту... женщину... ко мне на ужин? На мой день рождения? Мой пятидесятый день рождения? Вы бы не стали этого делать, верно?

– Наверное, она что-то перепутала, – с отчаянием проговорила Виктория. – Наверное, услышала наш разговор и решила, что приглашена.

– Ну так вот, пусть она перестанет путаться, да побыстрее. Доведите до ее сведения, что ее никогда не пригласят ни на какое мероприятие, если оно будет иметь какое-то отношение ко мне, и уж точно ее не пригласят на мой чертов день рождения, потому что если она явится, я туда не пойду. – Я посмотрела в зеркальце на две несчастные мордашки и немного смягчилась: – Это ясно?

– Да, – тихо сказала Виктория.

– Да, – прошептала Люси.

– Вот дьявол, – шепотом добавила Виктория, обращаясь к Люси.

На работе у меня есть несколько хороших друзей. Слава богу, они не похожи на Гундосую Николя и ее восхищенных поклонников. Лиз, с которой мы сидим в одной комнате, всего на несколько лет моложе меня, а Мэри, которая работает в расчетном отделе, а с нами обычно обедает, отметила собственное пятидесятилетие несколько лет назад. Так что наши разговоры неминуемо должны были прийти к теме старения и влияния этого процесса на наше физическое и душевное здоровье. Находимся ли мы на грани срыва или нет? Доживем ли мы до пенсии, и что будем собой представлять к тому времени, если доживем? Обычная веселенькая, жизнеутверждающая беседа, так развлекающая во время утомительного рабочего дня.

– Когда мне исполнилось пятьдесят, – сказала Мэри, оторвавшись от лазаньи и картошки фри, – Дерек отвез меня в Нью-Йорк.

Мы с Лиз уныло переглянулись над бутылкой уксуса. Как я уже говорила, она славная, эта Мэри. Не ее вина, что ее Дерек так действовал нам на нервы.

– Мы летели на «конкорде», – добавила она, и глаза у нее посветлели от приятного воспоминания.

– Чудесно.

– И ходили на концерт Майкла Болтона.

Ну конечно. Что тут сделаешь.

– Я хотела бы чего-нибудь в этом роде, – задумчиво проговорила я, играя с чипсами. – Хотела бы я полететь куда-нибудь... с кем-нибудь...

– Ну, ты же не знаешь... – мягко начала Лиз.

Знаю-знаю. К несчастью, я знаю все слишком хорошо.

– И никогда не возвращаться! – триумфально улыбаясь, договорила я, как будто только что приняла серьезное решение. – Если бы я могла, то улетела бы куда-нибудь и никогда не вернулась!

– А как же дети? – спросила Лиз.

Она выглядела встревоженной. Ее дети еще были в таком возрасте, когда оставлять их одних очень страшно.

– Мои уже выросли, – заявила я. – Они не будут без меня скучать.

– Пока деньги не кончатся! – засмеялась Мэри.

– Тогда им придется справляться самим.

Неужели это говорю я? Так твердо и безжалостно? Но ведь это правда, вот в чем дело! В их возрасте я уже зарабатывала себе на хлеб. Твердо стояла на ногах. Мой дом, без сомнения, оказался для них слишком удобным, со всеми этими стереосистемами, фенами и незамерзающими окнами. Почему девочки не желают отправиться стоять на собственных ногах в какое-нибудь менее удобное место? Почему они не могут научиться готовить или хотя бы загружать посудомоечную машину? Нет, единственное решение для меня – это оставить их в покое, а самой куда-нибудь улететь.

– Почему ты улыбаешься? – спросила Лиз все еще тревожным тоном.

– Чем больше я об этом думаю, тем лучше это звучит. – Соус капал с наколотого на вилку кусочка картошки, о котором я забыла. – Я смогу вернуться, чтобы повидать их, если захочу. На личном самолете.

– Или на вертолете, – улыбнулась Мэри, включаясь в игру.

– А иногда я приглашала бы их к себе. Если буду устраивать большую вечеринку.

– Банкет, – поправила меня Мэри.

– Бал, – твердо сказала я. – Мне всегда хотелось устроить бал. С банкетом.

– Это не важно, Элли, – как обычно ласково вступила Лиз. – Я уверена, что у тебя на вечеринке будет просто чудесно.

Последовало молчание, которое длилось, скорее всего, около десяти секунд. Примерно столько времени понадобилось, чтобы кусок картошки свалился с вилки. И чтобы на столе образовалась лужица соуса. И за это время две мои собеседницы посмотрели друг на друга и явственно сказали: «Вот черт!» – хотя на самом деле они ничего такого не говорили.

– Не будет у меня никакой вечеринки, – отрезала я.

– Нет, конечно. Но если бы она была, то получилась бы просто прелестной.

– Но я не желаю никакой вечеринки.

– Нет-нет, но если бы ты хотела, она получилась бы...

– Но не получится. И не была бы она прелестной, потому что я ее не хочу, и меня бы она не радовала.

– Ну хорошо, – сказала Мэри очень мягко. – Здорово, что ее у тебя не будет, правда?

– Да, – подтвердила я и посмотрела на нее обиженно и подозрительно. Меня не оставило тревожное чувство, что вокруг меня что-то происходит.

– Так что же ты сделаешь на свое пятидесятилетие, Элли? – Лиз решила оставить тему вечеринки. – Что-нибудь прелестное?

Меня уже начинало тошнить от всех этих прелестей. Я подумала о «прелестном» ужине в честь дня рождения, который, судя по всему, организовали для меня девочки с участием моей матери, для которой найдется немало поводов позлорадствовать, и жены моего

мужа, считающей, что она приглашена и я жду ее с распростертыми объятиями и коктейлем. И тут на меня что-то нашло. В конце концов, чей это день рождения?

– Ничего, – сказала я твердо и весело. – Ничего я не стану делать.

– Ой, правда? – изумилась Лиз. – Совсем ничего? А почему?

– Потому что, – ответила я, внезапно снова заинтересовавшись своей картошкой, – мне вовсе не пятьдесят. Пятьдесят мне исполняется в следующем году. А пока мне всего сорок девять!

И это была моя первая ложь.

Я где-то читала, что в первый раз солгать труднее всего; потом становится все проще и проще. Я не убивал этого человека. Я не взводил курок, не приставлял дуло к его голове. Я не закидывал его тело в черный мешок и не бросал в Темзу. Я не крал его паспорт, не подделывал его подпись, не использовал его кредитную карточку, чтобы купить все оружие в мире, и не начинал Третью мировую войну. Одна ложь тянет за собой другую. Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Я не собирался влюбиться в другую женщину. Я перестал видеться с ней, когда понял, что пора остановиться. Я не хотел, чтобы это случилось. Я не собирался заниматься с ней любовью, хотя она на двадцать лет моложе тебя, и у нее красивые рыжие волосы и серо-зеленые глаза, и она поднесла себя мне на блюдечке. Я пытался покончить с этим. Я пытался сказать «нет». Я пытался думать о тебе, о детях, о коте и о пруде с рыбками. Я не хотел уходить. У меня и в мыслях не было... Я не хотел... Я любил тебя...

Ложь, ложь, ложь. Так просто. Я не считаю, что в первый раз солгать труднее всего, потому что лично я сделала это, ни на минуту не задумавшись. Казалось, что в лжи нет ничего ужасного. Она не имела никакого значения. Кому какое дело? Кому вообще есть дело до того, что пятого июня мне исполняется пятьдесят, сорок девять или сто один?

Просто после этого мне было проще солгать в следующий раз, вот и все.

Где-то на заднем фоне моей жизни люди вились вокруг, как навозные мухи, звонили по телефону, обменивались возмущенными восклицаниями, что-то отменяли. Отменяли вечеринку. Я же пребывала в блаженном неведении – ну, может, не совсем в блаженном, но вы меня поняли. Я давала коту лекарства, старалась следить, чтобы он не забрел во владения какого-то неизвестного садовника с его средствами от вредителей, кормила детей обедом и выслушивала рассказы об их проблемах, привязывала табличку с номером к заднему бамперу машины, она падала, я привязывала ее снова, и так далее, и так далее. На улице становилось теплее, и никто уже не надевал по два свитера одновременно, начали открываться окна, апрель сменился маем, который принес с собой короткие рукава, солнечный свет и диеты, необходимые, чтобы летом влезть в бикини. Так прошло несколько недель, когда мне неожиданно позвонил Пол:

– Элли, что, черт возьми, происходит?

Это ты мне скажи.

– А что, собственно, такое?

– Твой день рождения. Что за дела? Тебе в этом году исполняется пятьдесят!

– Я знаю. Тут уж ничего не поделаешь. – Он что, в чем-то меня обвиняет? – Тебе было пятьдесят три года назад.

– Мы не будем сейчас обсуждать мой возраст. В чем дело? Ты что, не хочешь это признать, или как? У тебя какая-то проблема?

– Нет у меня никаких проблем. Да за кого ты меня принимаешь? Я не собираюсь соперничать с твоей молодой...

– Не начинай.

Я не начинала. Нет, я правда не начинала. Это ты начал, когда ушел к ней. Когда стал трахаться с ней. Когда полюбил ее и разлюбил меня.

– Но ты же говоришь людям. Я только что об этом узнал. Ты говоришь, что тебе исполняется пятьдесят только в будущем году.

О. Моя ложь вернулась ко мне. Но каким образом?

– Что? Откуда ты знаешь?

– Не важно. Факт в том, что...

– Нет, важно. Я не понимаю. Две сплетницы на работе разговаривали о пятидесятилетиях, и я решила заткнуть их, сказав, что мне в этом году еще сорок девять. Я просто устала от этих разговоров. И кто, черт побери, тебе об этом сказал?

– Виктория. Она беспокоится о тебе.

Меня так просто не обманешь. На прошлой неделе она каждый вечер каталась на машине со своим новым бойфрендом. Я ее видела только когда она съедала два листика шпината из холодильника, а потом бежала в ванную взвешиваться.

– А она откуда узнала?

– Не важно. Факт в том, что...

– Хватит мне говорить, в чем факт! Это важно, откуда она узнала! И что означает все это шныряние, подглядывание и перешептывание?

Я только что вспомнила о шнырянии и перешептывании. И сразу же почувствовала себя испуганной, одинокой и всеми обсуждаемой особой. Что от меня скрывают? Может, я скоро умру?

– Я что, при смерти или что-то в этом роде? – Я добавила немного драматизма в бенефис Пола.

Если я умираю, он будет ужасно страдать. Будет слоняться вокруг и помогать ухаживать за мной, будет плакать и просить у меня прощения, и обещать никогда больше не разговаривать с Линн(етт), и чувствовать себя виноватым всю оставшуюся жизнь, потому что это из-за него я заболела, и...

– Элли! Элли, ты меня слушаешь?

– Что со мной? Скажи мне правду, я выдержу.

– Элли, каждый день кому-нибудь исполняется пятьдесят. В этом нет ничего страшного. В наши дни это не старость, а всего лишь начало совершенно нового этапа в жизни. Ты не превратишься в старуху, ты просто...

– Это ты мне говоришь? Тоже мне, опекун нашелся!

Нет, ну правда! Честное слово! Да что ж такое!

– Мы с девочками за тебя волнуемся. Seriously. Нам кажется, что ты отказываешься признавать очевидное.

– А вот и нет!

– Ты понимаешь, о чем я? Так вот, слушай. Мы отменили вечеринку. Ладно, раз ты ее не хочешь, раз ты в таком состоянии, ее лучше отменить, но...

– Вечеринку? – тихонько спросила я.

– Но тебе придется с этим смириться. С днем рождения. Ты не можешь провести остаток жизни, притворяясь, что...

– Да не притворялась я. Я просто не знала...

– Да, и вот еще что: я знаю, что тебе сейчас нелегко, но все равно, ты не должна так разговаривать с Линнетт.

– Что-что?

– В те выходные, у ветеринара. Она очень любезно согласилась приехать и помочь тебе с котом...

С твоей чековой книжкой.

– А ты устроила в приемной ужасную сцену. Всех расстроила. И угрожала отравить ее средством от вредителей.

– Это была шутка, – проговорила я все тем же тихим голосом. Как ребенок, которого неожиданно отругали, хотя он весь день хорошо себя вел. Я почувствовала, что глаза наполняются слезами. Но ведь можно заплакать, если тебя ругают, даже когда тебе почти пятьдесят? Почти пятьдесят, но ты не желаешь признавать очевидного (а может, и правда не желаю?).

– Не смешно, Элли. Помнишь, что мы всегда говорили детям? Шутка – это если все смеются. Линнетт не смеялась.

Ну хорошо, не смеялась. Она жалкая занудная тупица без чувства юмора, но не я же выбирала ее себе в жены, правда?

Он ждал, что я извинюсь. Я точно знала, что он ждет именно этого. Он всегда так делал, когда Виктория или Люси пририсовывали в газете усы премьер-министру или кучки возле тех, чьи зады оказывались на фотографии. Он никогда не просил их извиниться. Он просто садился, клал газету с усами и кучками на колени и смотрел на девочек с многозначительным видом, пока они не просили прощения. Извини, что премьер-министр выглядит как бандит с большой дороги, а у королевы понос. Прости за оскорбление столпов государства. Извини, извини, извини. Прости, что напугала твой драгоценный нежный цветочек-женушку разговорами о средствах от вредителей.

– Я не собираюсь извиняться, – заявила я, внезапно войдя в роль капризного ребенка, и даже топнула ногой, чтобы соответствовать этому образу. – Пора уже ей повзрослеть и научиться понимать шутки. И прекратить лазить в твою чековую книжку.

– Это наша чековая книжка, – холодно парировал он.

Мне это не понравилось. Не понравилась его холодность. Я извинюсь, если после этого он не будет разговаривать со мной таким тоном.

– И пора уже тебе покончить со своей ревностью и язвительностью и постараться подружиться с Линнетт, – продолжил он. – Я действительно думаю, что тебе нужно проконсультироваться с врачом! Или сделать что-нибудь еще! Тебе пятьдесят, Элли. Смирись с этим!

И он бросил трубку.

Бросил трубку!

Я смотрела на телефон и чувствовала, что у меня дрожит нога, которой я только что топнула.

Это было так неожиданно.

Мы никогда не ссорились, по крайней мере с тех пор, как развелись. Мы были настроены дружелюбно. Разумно. Здраво. Мы оба решили, что так будет лучше. Но может, мы были не правы? Кого я пытаюсь обмануть? Может быть, под маской этого здравомыслия бушевали злость и ярость? Может, мне и правда нужно с кем-то проконсультироваться? Может быть, я вот-вот сломаюсь?

И кстати. Что там насчет вечеринки?

Глава 3

– Так что там насчет вечеринки? – спросила я у Люси, когда немного позже она спустилась вниз, чтобы заправиться чипсами и колой перед серьезным экзаменом.

– Предполагался сюрприз. – Она пожала плечами.

– Простите, – покаянно сказала я, – я не поняла... У вас, наверное, были проблемы...

– Да ничего страшного, мамочка. – Она опять пожала плечами и посмотрела на холодильник, как будто надеялась почерпнуть в нем вдохновение. Потом она внезапно повернулась ко мне с обновленным интересом: – А с тобой все в порядке?

– Вроде да, а что?

– Папа думает, у тебя депрессия и тебе надо посоветоваться с врачом.

– О. Как мило, что он с тобой поделился. Я полагаю, весь мир считает меня ненормальной только потому, что я не хочу, чтобы все постоянно талдычили мне о моем пятидесятилетии?

– Ну, ведь у женщин в твоём возрасте всегда начинаются какие-то странности, правда? – любезно заметила дочь и снова сосредоточилась на холодильнике, демонстрируя полную беззаботность, какая бывает возможна только в девятнадцать.

Я со всех сторон оглядела себя в зеркале. Включила свет и посмотрелась в зеркало еще раз. Попробовала втянуть одновременно живот и попу. От этого грудь у меня неестественно выпятилась, а лицо покраснело, потому что мне пришлось слишком долго задерживать дыхание, так что я бросила эту затею и уперла руки в бока, как это делают мои дочери. Со мной все в порядке, все имеющиеся недостатки легко исправить с помощью хорошей диеты, курса занятий аэробикой и небольшого обновления гардероба. Неужели я выгляжу на пятьдесят? И как в наши дни выглядят пятидесятилетние? Совсем не так, как выглядела моя мать, которая носила длинные скучные платья, подобающие почтенной женщине пальто и приличные туфли и почти не выходила за пределы кухни. Фартук прежде всего. А мне что сделать? Отбросить приличия, надевать юбки через голову и шастать по ночным клубам в крошечном топике, как у Люси? Люди говорят, что в наши дни в пятьдесят лет можно делать все, что заблагорассудится. А что я хочу делать? Чем я вообще собираюсь заниматься остаток моей жизни? И почему я торчу в собственной спальне и рассматриваю себя в зеркало?

Моя жизнь не закончится в пятьдесят. Я не задумывалась об этом, не теряла из-за этого покоя и сна, не видела никакой разницы между пятьюдесятью и сорока восемью – пока Пол не обвинил меня в том, что я боюсь признавать очевидное. И вот теперь очевидное начинает меня мучить. Если бы мне не надо было экономить деньги, я сама побежала бы на консультацию к психотерапевту.

– Я называю это эгоизмом, – заявила моя мать, снимая мой чайник с моей плиты, чтобы заварить себе чашечку моего чаю. Мне она при этом чаю не предложила.

– Очень жаль, что ты так считаешь, – вздохнула я. Не было никакого смысла спорить с ней. По крайней мере, этому я научилась с тех пор, как закончила школу.

– Все так ждали праздника, – продолжала она, с яростной энергией швыряя чайник обратно и включая его. Просто удивительно, насколько хорошо дурное настроение помогает от артрита.

– Могли бы и дальше ждать. Я никого не просила ничего отменять. Я вообще ничего не знала, – резонно заметила я.

– Ты же устроила дурацкий скандал из-за прихода Линнетт, – фыркнула мама.

– Тогда устрой вечеринку для нее, – парировала я, – раз тебе так уж нужна вечеринка. Ей вот-вот исполнится восемнадцать.

– Ревность, – провозгласила мать, грозя мне пальцем. – Это никуда тебя не приведет.

О боже. Знай я раньше, все было бы иначе. Я была бы очаровательным, совершенно не ревнивым существом, обожающим молодую жену моего мужа. Я бы целовала ее в щечку, желала им обоим счастья и выражала надежду, что секс у них получается лучше, чем у нас в свое время, и что муж не слишком часто разводит грязь в туалете.

– Я бы тоже выпила чашечку чая, если ты не возражаешь, – сказала я, пытаюсь одновременно держать одной рукой корзину для грязной посуды, по дороге к посудомоечной машине поставить в духовку воскресную баранью ногу, собственной ногой оттолкнуть от кота упавшую картошку, исполнить зажигательный танец и спеть песенку.

– Я все должна делать! – недовольно проворчала мама, шваркнув на стол еще одну чашку и начиная манипуляции с чайником. – В моем-то возрасте!

Возможно, мне хотелось бы, чтобы мне было восемьдесят, а не пятьдесят (я ведь не желаю признавать очевидного).

Во время воскресного обеда мама объявила, что уезжает. Для пущего эффекта это было сделано как раз в тот момент, когда все положили в рот первый кусок. Что ж, все продолжали жевать: «М-м-м, как вкусно, правда!» «Тебе передать еще мятного соуса, бабуля?» «Что ты говоришь? Куда ты едешь?»

– На Майорку.

– Придется лететь самолетом, бабуля. Или плыть на корабле, – заметила Виктория. – Это остров.

– Не умничайте, мисс. Я отлично знаю, куда еду. Я не вчера родилась.

Нет, на шутку это не похоже.

Майорка?! Насколько я помню, мать никогда не выбиралась дальше острова Уайт.

– А паспорт у тебя есть? – с искренним интересом спросила я.

Мама посмотрела на меня так, словно я ничем не лучше Виктории, но она от меня ничего другого и не ожидала.

– Я делала паспорт, когда ездила во Францию, – сказала она. – Ясно?

Ах да. Теперь я вспомнила. И как я могла забыть? Однажды мы возили ее в Кале, потому что она хотела купить дешевого вина, про которое слышала от своих подружек в клубе пенсионеров. Это было захватывающе. Ее тошнило на пароме и раздражало, как Пол водит машину («Не позволяй этим иностранцам обгонять тебя, юноша! Да что с тобой? Неужели ты не можешь ехать побыстрее? У тебя же британские номера, правда? Они же видят, что ты из Англии! Они должны уступать тебе дорогу!»). Она так измучила нас в гипермаркете, очень громко и медленно разговаривая с продавцом по-английски и ругая его, когда он отвечал ей по-французски, что мы не стали ничего покупать себе и умчались, как только она наполнила свою тележку немецким вином («Терпеть не могу эту французскую дрянь»). «Больше никогда», – примерно пять тысяч раз сказал Пол по пути домой. И теперь я содрогнулась при мысли о том, что ждет бедных жителей Майорки.

– С кем ты едешь, бабуля? – радостно спросила Люси.

– С другом, – загадочно ответила моя мать. Она положила в рот большой кусок жареной баранины и сосредоточилась на своей тарелке.

– С каким другом? – упорствовала Люси.

– Тебя не касается.

Мы с девочками переглянулись через стол. Мама продолжала жевать баранину, уставившись в тарелку. Люси подняла брови, Виктория хихикнула. Я уронила нож и вилку. Мне не удалось совладать с чувствами. Шок был слишком силен.

– Это мужчина, да?

– И что с того? Почему бы ему и не быть мужчиной? Что плохого, если человек хочет отдохнуть с другом? – с набитым ртом проговорила мать и мрачно сплюнула в салфетку. –

Или вы просто хотите лишиться меня последнего маленького удовольствия, которое еще осталось мне в жизни...

Люси и Виктория помирали со смеху.

– Да нет, ничего плохого, конечно, – попыталась я сгладить неловкость. – Никто не хочет лишиться тебя... удовольствия...

Я сама не сразу поняла, что начала смеяться. Это все девчонки – они чуть со стульев не падали, вот и выбили меня из колеи. А еще слово «удовольствие». Оно внезапно напомнило мне о том, как я читала лекцию Виктории, когда она в первый раз отправилась куда-то с молодым человеком. Может, мне стоит поговорить с мамой о безопасном сексе? Или спросить, будут ли они жить в разных комнатах, как спрашивала она, когда мы куда-то собрались с Полом? Ха! Все меняется!

– Не знаю, что вы в этом нашли такого смешного! – огрызнулась мама. Немножко покраснела, немножко занервничала.

Люси уже чуть не плакала, задыхаясь и хватаясь за бока.

– У бабули будет секса больше, чем у меня! – выговорила она наконец. – Где в этом мире справедливость?..

– Люси! – шикнула я на нее, изо всех сил стараясь снова не рассмеяться. – Никто не говорит о сексе.

– Его зовут не Сэмом, – заявила моя мать, положив нож и вилку, выпрямившись и сурово поглядев на нас сквозь очки. – Его зовут Тед.

Люси притворилась, что ей нужно в туалет, но не смогла добраться до него, пока не иссяк бывший из нее фонтан смеха. Виктория спокойно собрала обеденные тарелки (полные еды) и унесла их в кухню, где и разразилась хохотом, который постаралась замаскировать, открыв все краны.

– И давно ты знакома с этим... Тедом? – спросила я у мамы в наступившей тишине.

– Год или около того, – агрессивно ответила она.

– И сколько ему лет?

И какие у него планы? И чем занимаются его родители?

– Ему шестьдесят шесть, но тебя это не касается.

Молодой любовник! Ну надо же, какая везучая. Будем надеяться, что ему удастся вызвать у нее улыбку.

– Ну что ж, это очень хорошо для тебя, – сказала я наконец, и я действительно так думала. Это прекрасно для мамы. В конце концов, почему бы и нет? – И когда ты уезжаешь?

– В пятницу. Нам нужно только, чтобы нас подбросили в аэропорт. Тед не водит машину. У него катаракта.

Я чуть не ляпнула, что это многое объясняет. Но быстро решила, что если я так даже подумаю, то буду ужасной скотиной.

Вечером во вторник пропал Кексик.

– Он не принял свою вечернюю таблетку, – расстроено сказала Виктория, глядя на заднюю дверь.

Бывают в жизни моменты, когда очень, очень сильно сожалеешь, что дала своему коту глупое имя.

– Кексик! – кричала я в полночь, стоя в собственном саду и освещая фонарем кустарник. – Кексик! Кексик, где же ты?

– Кекс, хороший мальчик! Иди сюда, киса! – эхом отозвалась Люси.

– Мама, как ты можешь?! – чуть не плача возмутилась Виктория, когда в два часа ночи я сказала, что прерываю поиски до рассвета и иду спать. – Он может быть где угодно!

– Скорее всего, он спит, – зевая, возразила я. – Спит в каком-то теплом и мягком месте и не слышит, как мы его зовем. А утром, когда мы проснемся, он уже будет лежать на своей подстилке...

– И у него опять откажут почки! – простонала Люси. – Он не принял таблетку!

– Ничего страшного не случится, если он пропустит один прием. – В моем голосе уверенности было гораздо больше, чем в сердце. – А теперь пошли, мы скорее поможем ему, если будем не такие усталые.

Рыдая и утирая слезы, девочки позволили загнать их в кровать, как будто им все еще было восемь и десять лет. Я уложила их и поцеловала на ночь, как будто им все еще было восемь и десять лет. Они говорили, что все равно не смогут сомкнуть глаз, потому что слишком беспокоятся из-за Кексика, и обе немедленно заснули глубоким и спокойным сном – как будто им все еще было восемь и десять лет. А я прилегла на постель не раздеваясь (просто на случай, если я услышу мяуканье или крики в саду), и крутилась и вертелась, и вертелась и крутилась, зажигала свет и выключала его, и несколько раз засыпала, просыпаясь в холодном поту при мысли о том, что скажет Пол, если кот погиб, и гадала, удастся ли купить котенка, похожего на Кексика, и смогут ли девочки полюбить его. В конце концов в пять утра я встала и спустилась по лестнице, уверяя себя, что беглец давно уже спит, свернувшись на своей подстилке. Он посмотрит на меня, открыв один глаз, и я смогу хотя бы час поспать спокойно, пока не зазвонит будильник. Но кота не было. Ни свернувшегося, ни вытянувшегося, ни открывшего один глаз, ни закрывшего. Вообще никакого кота.

Пять утра – не самое лучшее время, чтобы выходить в сад и взывать: «Кексик!» – самым громким шепотом, на который решишься отважиться. Я уверена, что есть люди, которые будут агитировать за ранние подъемы и рассказывать, как приятно прогуляться в саду свежим майским утром, когда трава еще покрыта росой, небо медленно светлеет, а птицы напевают друг другу свои песенки. Что касается меня, то я все это ненавижу. Рассвет – самое подходящее время, чтобы перевернуться на другой бок и заснуть, чтобы взглянуть на часы и с облегчением обнаружить, что можно полежать в кровати еще целый час. Это не время для того, чтобы выходить на улицу, если, конечно, вы не маньяк, или если вы не возвращаетесь домой после бурно проведенной ночи – впрочем, в этом случае вы слишком пьяны, чтобы вообще что-то замечать.

– Кексик, – шипела я, в своем заторможенном состоянии чуть не свалившись в пруд. – Хватит шлаться, глупый кот! Где ты?

Пруд. Я посмотрела в его мерцающие глубины, и внезапно меня охватил такой ужас, что сон как ветром сдуло. Большая оранжевая рыбка с интересом глядела на меня, ожидая, не дам ли я ей позавтракать.

– Ты не видела кота? – прошептала я ей. – Такая большая меховая черно-белая штука-вина?

Рыбка с презрением махнула хвостом и уплыла.

– Возможно, нам придется осмотреть пруд, – произнесла я за завтраком (довольно мрачное мероприятие; чуть-чуть кукурузных хлопьев и двойная доза кофе). Я попыталась сказать это помягче. Но это нужно было сказать. Просто необходимо, учитывая, как смотрела на меня та рыбина.

– О, мама! – взывала Люси. – Как ты можешь? Что ты говоришь?

– Ничего я не говорю. – Я попыталась успокоить дочь. Она оттолкнула мою руку. – Я просто думаю, что нам лучше убедиться...

– Мама права, – мужественно заявила Виктория. – Мы перевернем каждый камень. Пошли, Люси! – Тут она попыталась утешить сама себя: – Мы его найдем!

– Где, на дне пруда? – вздрогнула Люси.

Я тоже вздрогнула. И быстро проглотила слезы вместе с кофе. Понимаете, я тоже любила этого проклятого кота.

К тому времени, когда мы выкачали всю воду из пруда, мы проклинали всех и вся. Пол был виноват в том, что выкопал этот пруд. Я была виновата в том, что не закопала его, когда Пол уехал. Рыбы были виноваты в том, что живут слишком долго и ради них приходится держать этот пруд. Моя мать была виновата в том, что всегда говорила, как мило, когда в саду есть пруд, подразумевая при этом, что у Пола больше вкуса, изысканности и интереса к прудам, чем у меня. Люси была виновата, что не позвала Кексика съесть таблетку раньше, когда еще не стемнело. Виктория была виновата в том, что целый вечер где-то шлялась, хотя была ее очередь давать коту лекарство.

– Очередь? – изумленно спросила я, выливая очередное ведро илстой воды и вытирая пот со лба. – Вы зовете кота принимать таблетки по очереди?

Вот так всегда. Никогда не знаешь, что происходит в собственном доме. Настоящая бюрократическая организация со своей иерархией и внутренней политикой. Наряды на вынос мусора, санкции за отсутствие туалетной бумаги, распределение тампакса, очередь на кормление кота таблетками.

– Я думаю, – сказала Виктория, осторожно ступая в грязную, заросшую сорняками лужу, оставшуюся на дне пруда, – теперь уже видно, правда?

Мы с Люси следили за ней взглядом, когда она нервно прочесывала пруд сетью.

– Ничего, – проговорила она наконец, и голос ее дрогнул от облегчения. И еще несколько минут никто не мог говорить о наших ужасных невысказанных страхах, которые уже отступили куда-то в область ночных кошмаров. – Пусто, – добавила Виктория уже тверже и улыбнулась: – Если не считать этого. – Она выудила кубик Рубика, который со злости зашвырнула в пруд, когда всеми нами владело безумие кубика, и забыла о нем.

Люси покраснела и засмеялась. Потом мы снова замолчали, подумав о рыбках (которые злобно виляли хвостами в полной воды кухонной раковине) и о пустом пруде (который теперь придется снова наполнять водой). И еще мы подумали, хотя никто из нас не захотел сказать это остальным, что утро уже в разгаре, и если Кексика нет в пруду, то где же он?

А потом зазвонил телефон, и мы вспомнили, что сейчас середина утра среды, и все мы должны быть где-то в другом месте.

– Ой, это наверняка с работы! – воскликнула Виктория, когда я пошла к телефону. – Скажи им, что я заболела!

Но это звонили не с ее работы. Это звонили с моей работы. Это был Сопливый Саймон, Саймон, контролировавший всю мою жизнь и внесший серьезное предупреждение в мое личное дело, который даже за миллион лет бы не понял, что мне необходимо было выкачать пруд, чтобы проверить, нет ли там кота.

– Мне очень жаль, Саймон, – сказала я. – Меня тошнит.

Это была вторая ложь. Просто удивительно, до чего просто она мне далась. Как будто я была прирожденной лгуньей, как будто я всю жизнь только и делала, что лгала. И мне даже не стало стыдно. О, я не сомневаюсь, что Виктория каждый раз, когда ей хочется поваляться в постели, говорит, что у нее грипп или болит живот. Но позвольте сказать, что ее не так воспитывали, и меня тоже. Меня-то уж точно не так! Я в свое время ходила в воскресную школу и просиживала воскресные вечера в холодной церкви (кстати, именно там я встретила Пола, и он мне сначала не понравился, потому что носил слишком длинные штаны), там мне и рассказали, как опасны ложь, воровство, жульничество на экзаменах и ругань. Я вообще не знала ни одного ругательства, пока не пошла в воскресную школу для старших – тогда их записал в моей Библии толстый парень по имени Грэм, который все время норовил залезть мне под юбку. Я часто думаю, что с ним теперь. Но это все ерунда. Главное то, что я неожиданно стала просто закоренелой лгуньей.

– О господи, – сказал Саймон, недоверчиво и очень устало. – И что же с вами такое?

– Тошнота, – туманно объяснила я. – Ужасно, просто ужасно тошнит. Лучше я пойду, а то меня опять стошнит.

– Ну что ж, надеюсь, вам скоро станет лучше...

Я повесила трубку, постаравшись, чтобы у него сложилось впечатление, что меня опять тошнит.

В этот день мы все занемогли: Виктория выяснила, что у нее болит горло, а Люси, которая собиралась идти утром в колледж, сказала, что придумает какое-нибудь оправдание завтра. Мы обыскали сарай. Мы обыскали дом, открыли дверцы буфета и вывалили его содержимое на пол. Мы ползали под кроватями, заглядывали в трубы, даже залезли на яблоню – почти на самый верх. Точнее, Люси залезла, а я держала дерево. Мы бродили по улицам, уныло и занудно крича: «Кексик!», и старались не обращать внимания на взгляды прохожих, которые, очевидно, считали нас бездомными и очень голодными.

Наконец Виктория сказала, что проедется по округе на своей машине с опущенными окнами, а Люси решила отправиться с ней. Они пошли к машине и выяснили, что окна и так открыты. А Кексик спит на заднем сиденье.

– Надо было закрыть окна, когда ты вернулась домой прошлой ночью! – закричала Люси на сестру. Потом она бросилась к ничего не подозревающему коту и, заливаясь слезами, прижала его к груди. Кексик повис у нее в руках, моргая от солнечного света, несколько удивленный ее страстью. – Бедный малыш! – рыдала Люси, зарывшись лицом в его мех.

– Ничего себе – бедный малыш! – возмутилась я, внезапно почувствовав себя усталой и опустошенной из-за всей этой истории. – Он же не был там заперт! Наверняка он залез туда ночью, потому что замерз, и с тех пор лежал себе, пока мы тут мучились и звали его! Он нас просто проигнорировал! И мы столько сил потратили, чтобы осушить пруд!..

– Мама! – вмешалась Виктория. – Представь, а если бы он и в самом деле был в пруду!

Спасибо большое, я и так представляла себе это все время, пока мы выкачивали воду. А также представляла, что он лежит в какой-нибудь канаве, что его сбила машина или что он опять наелся средства от вредителей.

– Да. Конечно. Но ведь его там не было, правда? – огрызнулась я.

Наступил вечер, и идти на работу было уже поздно. Я почистила духовку.

На следующее утро машина не завелась. Я напомнила ей твердо, но ласково, обо всем, что сделала для нее за последнее время. О том, сколько денег на нее потратил Пол. О том, в каком свете она выставила меня перед мастером из Автомобильной ассоциации, а также о том, что я все равно люблю ее. Я обещала ей, что если она перестанет дуться, я почищу ей бампер, как только у меня будут время и деньги, и даже приделаю как следует табличку с номером. Я добавила, что понимаю, как обидно должно быть машине, когда у нее номер подвязан веревочкой. Но мне очень нужно, чтобы сегодня она завелась. Пожалуйста. Пожалуйста! Она все равно не завелась, я вылезла, хлопнула дверью и прикрикнула на свою мучительницу. Она будет ездить с номером на веревочке всю оставшуюся жизнь, если мое слово еще что-то значит! Проклятая колымага!

– В чем дело, мамочка? – ласково спросила Виктория, направляясь к собственной машине на таких высоких каблуках, что непонятно было, как она собирается ее вести. Как можно давить на педали, когда ноги находятся в шести дюймах от пола?

– Проклятая машина не хочет заводиться. Опять, – пробормотала я. – А если я позвоню в Автомобильную ассоциацию, она выставит меня идиоткой. Я это точно знаю. И наверняка придет тот же самый парень.

– И какой он был с виду? Симпатичный? – быстро спросила дочь. Так и чувствовалось, как выдвигаются антенны: внимание, мужчина! Может, стоит задержаться и поболтать с ним?

– Старый. Не меньше пятидесяти, – улыбнулась я.

Виктория состроила рожицу и открыла дверцу машины.

– Подбросишь меня до работы? – спросила я.

– Ага. Давай быстрее.

Я схватила куртку и бросилась к автомобилю, опасаясь, что она передумает.

– Хотя... – Ну вот, пожалуйста. Придется искать другой способ. Можно позвонить друзьям... – Почему бы тебе не остаться дома и не заняться машиной, раз есть такая возможность?

– Остаться дома?! Ты что, шутишь? – Я попыталась избавиться от истерических ноток в голосе. С тем же успехом я могу позвонить Саймону и попросить его уволить меня. С тем же успехом я могу сказать ему, что, пожалуй, работа мне больше не нужна...

– Но он же думает, что ты больна.

Это верно.

– Может, ты до сих пор больна.

Тоже верно.

Я замерла, уже наполовину усевшись в машину.

– Решай, мам, мне на работу пора.

Я вылезла и помахала ей на прощание. И прямо скажем, это была третья ложь, хотя я вроде бы ничего не говорила. Я просто притворилась перед самой собой, что все еще больна. И вызвала домой мастера из Автомобильной ассоциации (это был другой парень, очень симпатичный, примерно двадцати пяти лет от роду. Умри от зависти, Виктория!) – и он тут же завел мерзавку, и мы поехали в гараж. А в гараже сказали: «Оставьте ее у нас, и мы бесплатно приделаем табличку с номером...» Потом, как следует почесав голову и вытирая руки масляными тряпками: «Мы посмотрим, что можно сделать», а на мою просьбу починить ее к завтрашнему утру: «Обещать не могу, голубушка, зависит от того, что там у нее под капотом, ну, вы понимаете, голубушка?» И я пошла домой из гаража, думая о том, что на работе сегодня обходятся без меня, и чувствуя себя на каникулах. Я махала руками, запрокидывала голову, чтобы солнце светило прямо на лицо, и громко смеялась. Мальчик на велосипеде вылупил на меня и чуть не свалился, а пожилая дама поджала губы, покачала головой и пробурчала что-то о наркоманах, и это еще больше рассмешило меня. Ее хмурый вид напомнил мне маму.

Мою маму.

Черт, черт, черт! Завтра ее нужно отвезти в аэропорт. Маму, ее полуслеплого любовника и их багаж, тоже отбывающий на Майорку. Я застыла посреди улицы, напугав еще нескольких пешеходов, и подумала, не вернуться ли мне в гараж, чтобы сказать, что я должна получить эту проклятую машину завтра утром, все равно, на ходу она или нет. Потом я велела себе успокоиться и призвать на помощь разум. Зачем она мне нужна, если она не будет ездить? Оставалось только одно.

– Виктория? Да, это мама. Нет, ничего страшного. Да, приходил мастер из ассоциации. Нет, не пятьдесят, молодой красавец, и он назначил мне свидание на завтрашний вечер. Не знаю почему, наверное, ему нравятся старушки. Да, мы чудно провели время на заднем сиденье. М-м-м, просто прелесть. Слушай, Виктория, дорогая... Знаешь, почему я звоню? Ты не могла бы на завтра отпроситься с работы?

Ну вот, как всегда. Я понимаю. Типичный случай. На завтра она уже так и так отпросилась, потому что собиралась провести день с новым Дарреном ее жизни.

– Почему завтра! – взмолилась я. – Может, в какой-нибудь другой день? Завтра ты мне очень нужна...

Нет, обязательно завтра, потому что завтра вторая годовщина знакомства Даррена и Виктории. Вторая годовщина за две недели.

– А не могли бы вы вместе прокатиться в аэропорт Гэтвик? Вместе с бабулей и ее бойфрендом?

– Мне нравится Даррен, – твердо ответила Виктория.

– А может быть, вы поедете гулять на его машине? А я позаимствую твою.

– У него нет машины.

– А тебе не кажется, что все эти мальчики ухаживают за тобой только ради твоей машины?

– А как ты думаешь, почему я ее так люблю?

С этим не поспоришь, правда?

Я позвонила Полу вечером, после того как справилась в гараже о состоянии своей колыхаги.

– Они говорят – может быть, она и будет готова, – объяснила я, когда мы покончили с легкой холодностью, возникшей из-за того, что во время нашего последнего разговора он бросил трубку. Мы покончили с этим, потому что я извинялась и заискивала. И валила все на гормоны, как бы это ни было противно. Но, понимаете, ведь это мне от него было что-то нужно. – А в девять тридцать мне нужно выезжать, чтобы доставить маму в аэропорт. И что, если она не будет готова?

– Мать тебя убьет.

– Ты хорошо ее знаешь.

– Элли, я не уверен. Не знаю, смогу ли я так быстро отпроситься с работы.

С работы? С работы! Черт побери, я совершенно забыла об этом. Два дня дома, два неофициальных, прогулянных дня, и я уже веду себя так, как будто вышла на пенсию. Да что же со мной такое? Неужели я хочу, чтобы меня уволили? При мысли об этом я почувствовала себя слабой и нервной. Может быть, я действительно больна?

– Я больна! – сказала я Полу, прервав его длинную тираду о том, как трудно ему отпроситься с работы, не предупредив заранее, и особенно в мае, и особенно в пятницу, и особенно перед тем, как банки закрываются на каникулы...

– Что? – Надо отдать ему должное, он был встревожен. Мне очень понравилось, что его так беспокоила моя болезнь.

– Ничего серьезного, – быстро добавила я. Я собиралась сказать, что моя болезнь не только не была серьезной, она вообще никогда не существовала. Это придуманная болезнь, никому не известная болезнь, воображаемая болезнь. Но тут на меня что-то нашло. Видимо, дело было в том удовольствии, которое доставила мне тревога в его голосе. Я представила себе, что лежу в постели, исхудавшая и больная, бледная и ослабевшая, натянув одеяло до самого подбородка; на тумбочке возле кровати стоят бутылочки с лекарствами, а Пол сидит рядом со мной и держит меня за руку; он выглядит встревоженным, а доктор просит не утомлять меня...

– Это просто... какой-то вирус или что-то в этом роде... – сказала я туманно, стараясь, чтобы голос не ослабел слишком внезапно.

– Ты уже была у врача?

– Да нет... это ни к чему. Я не хочу поднимать шум... – Вот, теперь голос как раз такой, как нужно. Я была в этом уверена. Я уже вошла в роль. И солгала в четвертый раз, даже не сделав паузу, чтобы подумать об этом.

– Мне кажется, тебе обязательно надо сходить к врачу. Правда.

Ну ладно, хватит уже.

– Я посмотрю, как буду себя чувствовать, – проговорила я.

– Надо было сразу сказать. Объяснила бы сразу, что заболела. Ты просто не можешь везти маму в аэропорт, с машиной или без машины! – Надо сказать, без машины это было бы затруднительно.

– Даже и не думай об этом.

Есть! Готово! Он отпросится с работы, несмотря на май и пятницу.

– Я попрошу Линнетт. Ей не трудно. Она работает только полдня.

Линнетт? Линнетт будет отвозить в аэропорт мою мать и ее сердцееда? Имею ли я право так поступить с ней? Имею ли я право поступить так с ними обеими? Да вы о чем?! Господи, это же просто чистое наслаждение!

– Ну... – сказала я слабым, больным голосом. – Если только ты абсолютно уверен, что ей не трудно...

– Трудно? Конечно ей не трудно, – твердо ответил Пол. – Если бы ты дала ей возможность показать себя, Элли, то уже давно бы поняла, какой она великодушный и добрый человек.

Ну конечно, потому-то ты ее и полюбил, а вовсе не из-за того, что она на двадцать лет моложе меня и у нее глаза и волосы...

– И как она хочет подружиться с тобой.

Заходи ко мне в домишко, говорила кошка мышке.

Мамочка кошки наверняка сцапает бедную милую мышку, как следует прожует, а шкурку выплюнет. Мне даже захотелось поехать с ними и посмотреть на это. Но я же больна, правда?

– Не думаю, что это что-то серьезное, – сказала я Гундосой Николя, отвечавшей на звонки в кабинете Саймона, поскольку он, вероятно, был слишком занят отработкой ударов по мячу для гольфа. – Скорее всего, какой-то вирус.

Ну, это нельзя назвать ложью номер пять. Это просто повторение лжи номер четыре другому человеку. Собственно говоря, мне она уже начинала казаться правдой. Я привыкла к ней, как привыкаешь к чужому пальто, которое берешь поносить, и в конце концов оно уже становится совсем твоим.

– Возможно, это гормоны, – с издевкой заметила Гундосая Корова Николя.

– Сомневаюсь, – холодно парировала я.

– Но это же случается, и очень часто, – настаивала она. – У женщин в вашем возрасте... вам ведь скоро будет пятьдесят... часто возникают проблемы...

– А мне не будет пятьдесят, – сказала я, сгорая от желания вцепиться ей в морду. – Вообще-то мне исполняется всего сорок девять.

Нет, это не новая ложь. Это просто повторение лжи номер один, и повторить ее было необходимо, чтобы не потерять лицо перед коллегами. Если уж лжете, делайте это последовательно. Спросите меня, я уже почти эксперт по этому вопросу.

– Ну, как бы то ни было, – подвела итог Николя, которая, кажется, расстроилась, а может быть, ей просто позвонили по другому телефону, – как бы то ни было, вам придется взять справку.

– Прошу прощения?

Справку о моем возрасте? О дате рождения?

– Справку от врача! От врача! Вы пропустили три дня.

Ну да, так и есть. Черт возьми, я, похоже, действительно заболела.

– Получите справку и завезите ее мне, иначе вам не заплатят за пропущенные дни.

Конец разговора. Конец шутки. Уже не смешно. Теперь мне придется соврать доктору.

Пол сказал, ты должна пойти к доктору. Сегодня же.

Знаю, знаю. Я схожу.

Я записалась на прием на пять часов. Только из-за этой проклятой справки. И я пригласила проклятую Линнетт к себе в дом только потому, что мне хотелось послушать, как ей ехалось с моей мамочкой. Заходи ко мне в домишко...

– Присядь, Элли. Ты же плохо себя чувствуешь.

– Все в порядке. Я сварю тебе кофе, – невежливо ответила я. – Как все прошло с мамой?

Она села за кухонный стол. Я обрадовалась, увидев, что она выглядит усталой. Ха! Старушка позаботилась о ней.

– Прекрасно, – сказала Линнетт. – Она прелесть, правда?

Прелесть? Нет, это не совсем то слово, которое первым приходит на ум, когда я думаю о маме.

– И Тед! – Линнетт улыбнулась. – Такой душка! Очень забавно! Они такие милые! Всю дорогу до Гэтвика они обнимались на заднем сиденье, держались за руки, подшучивали друг над другом.

Вот теперь меня и правда затошнило.

– Подшучивали? – тупо повторила я. Моя мама подшучивала?

– Это любовь. – Линнетт со знающим видом покивала, потом глотнула кофе и задумчиво помешала его ложечкой. – Они так выглядели... ну прямо как мы с Полом.

Я смотрела, как она размешивает кофе, и утешалась, воображая, что положила туда средства от вредителей.

– Я положила в кофе яд, – злобно проговорила я и отвернулась. – Так что ты лучше уходи. Пока тебя не начало выворачивать наизнанку. Я только что вымыла пол.

– Элли! – Линнетт поперхнулась и разбрызгала кофе по всему столу. Несколько капель попало на ее розовую девчачью блузку. Какая жалость. – Элли, не надо так. Это не смешно.

И не должно было быть смешно.

– Это больно.

Не говори со мной о боли. Я знаю, что такое боль. Я живу с болью. Боль – это когда кто-то, кто спит с твоим мужем, сидит напротив тебя на твоей собственной кухне, смотрит на тебя коровьими глазами и говорит о любви. И по сравнению с этим угроза отравления – просто ничто, глупая царапина на коже жизни.

– Я всегда помогаю тебе... всегда готова... и все, что я получаю взамен...

В глазах у нее заискрились слезы. Ну почему она не стала при этом хуже выглядеть? Стоит мне только подумать о том, чтобы заплакать, я сразу краснею, распухаю и утопаю в слезах и соплях, как почетный ветеран дома престарелых.

– И пора уже сказать это, Элли, – продолжала Линнетт обиженным голосом, вытирая носик хорошеньким розовым платочком, который подходил по цвету к ее блузке. – Мне кажется, что у тебя проблемы.

– Ну конечно! – ответила я. Это мой голос? Я что, кричу? Как это случилось, и почему я ничего не заметила? – У меня все возможные проблемы! От меня ушел муж, не забыла? Я осталась один на один с домом, счетами, девочками, котом, паршивой машиной и сварливой матерью! А ты... ты – маленькая дрянь! Все, что тебя беспокоит, – это... твоя губная помада!

Которую Линнетт, без сомнения, изучала, глядя в маленькое ручное зеркальце, пока я орала на нее как ненормальная. Она вытерла глаза розовым платочком, закрыла зеркальце и поднялась на ноги.

– Я не собираюсь больше это выслушивать, – сказала она, махнув на меня своими волосами и обдав запахом духов. – Будем считать, что это все твоя болезнь, Элли. Да еще возраст.

Спасибо и спокойной ночи. Она тихо закрыла за собой дверь, и я швырнула ей вслед туфлю. Я подумала, не пойти ли мне за ней, чтобы устроить скандал на улице. Но потом внезапно решила, что, пожалуй, не буду утруждаться. Я слишком устала. Мне еще надо кое-

что погладить. И в любом случае, нужно немного отдохнуть, чтобы собраться с мыслями и разработать следующую ложь. До сих пор у меня не было с этим никаких проблем, но я немного нервничала, потому что чувствовала, что солгать врачу будет не так-то просто. Требовалось качественное вранье, совсем другого уровня. Я собиралась вторгнуться в область преднамеренной лжи и обмана представителей власти.

Но будь что будет.

Глава 4

С доктором Льюисом мы познакомились еще в то время, когда оба были молоды и полны оптимизма по отношению к жизни. Он горел энтузиазмом, поскольку был молодым энергичным врачом, только что начавшим практиковать в только что открывшемся местном центре здоровья. Я горела энтузиазмом, поскольку только что забеременела Викторией. Конечно, с годами мы оба немного успокоились. Неблагодарные пациенты и государственная система здравоохранения в его случае, и утренняя тошнота и пеленки – в моем быстро сделали свое дело, и наш энтузиазм существенно поутих. Но я была одной из его первых пациенток, он наблюдал меня на протяжении обеих моих беременностей в разных формах и под разными углами. Он всегда был под рукой, чтобы предложить утешение и антибиотики в последовавшие за этим кошмарные годы детства моих девочек. С годами он превратился в испытанного друга нашей семьи, и мы всегда консультировались с ним, если возникали проблемы типа странной сыпи у Пола или необходимости подобрать противозачаточные таблетки для Виктории. Но сейчас я не испытывала никакой радости при мысли о встрече с ним, сидя в приемной перед знакомой дверью с табличкой «Доктор медицины С. Льюис» и отчаянно думая, что бы такое ему соврать. Почему-то я была уверена, что, какой бы убедительной ни была моя история, он строго, но сочувственно посмотрит на меня и спросит, почему я не хочу рассказать ему всю правду.

«Потому что я прогуляла работу», – не самый удачный ответ при данных обстоятельствах.

Интересно, поймет он по глазам, что я вру? Никогда нельзя сказать с уверенностью, что могут узнать врачи, только взглянув на вас. Посмотрев на тыльную сторону кистей рук, они легко понимают, склонны ли вы к запорам, любите ли проводить отпуск за границей или предпочитаете сидеть дома, и не собираетесь ли вы в ближайшее время совершить самоубийство. Они смотрят вам в глаза и выясняют, как работает ваша печень, нет ли у вас анемии и достаточно ли вы спите. Или таким образом они узнают, достаточно ли часто вы занимаетесь сексом? Возможно, я что-то спутала и кое-что они определяют, заглянув в ухо или попросив высунуть язык. Все это очень загадочно, и я ничуть не удивляюсь, что они так много времени учатся в университете. Да, есть ведь еще давление. По кровяному давлению тоже очень многое можно узнать о человеке, правда ведь? Я уверена, что по пульсу и давлению они точно могут определить, врете вы или нет. Сердце у меня билось все быстрее при одной мысли об этом. Может, у меня будет сердечный приступ, прямо здесь, в приемной? Он это сразу поймет, тут сомнений нет. Но это не имеет значения, потому что в таком случае мне не придется лгать. Мне все равно нужна справка.

– Миссис Бриджмен? – позвала медсестра, и я так подпрыгнула, что даже уронила журнал – я притворялась, что читала его. Раза четыре этот абзац даже показался мне интересным.

– Да! – проскрипела я, задыхаясь от предполагаемого сердечного приступа и виновато вскакивая на ноги.

– Доктор Холкомб ждет вас, миссис Бриджмен.

Доктор Холкомб?! Что еще за доктор Холкомб?

– А где доктор Льюис? – дрожащим голосом спросила я у сестры, отлично понимая, что он, наверное, проходил мимо по коридору, узнал по выражению моего лица, что я прогуливаю работу, и отказался меня принимать. Доктор Холкомб наверняка психиатр, он работает с людьми, у которых проблемы с прогулами на работе и повышенной лживостью.

– Доктор Льюис в отпуске, – улыбнулась сестра. – Доктор Холкомб его заменяет.

Новый ветеринар, новый врач, что же будет дальше? Если мне немного повезет, когда я вернусь на работу, то обнаружу, что Саймона нет и его замещает кто-то совсем другой. Я открыла дверь кабинета и, к своему удивлению, обнаружила, что в зеленом кожаном кресле за столом доктора Льюиса никого нет. Замещающий доктор устроил забастовку? Замещающий доктор ушел домой, потому что слишком много пациентов симулируют и прогуливают?

– Здравствуйте, миссис Бриджмен. Заходите и садитесь.

Девушка, на вид существенно младше Люси и не выше полутора метров ростом, появилась из соседнего кабинета, положила на стол мою карточку и устроилась в кресле, как это делают только кошки и очень шустрые маленькие собачки. Я села, отчаянно нервничая и слабо надеясь, что это, возможно, юная и очень развитая дочь доктора, которая играла в кабинете в «не коснись земли», пока доктор отошел пописать.

– Я доктор Холкомб. Как поживаете? – с ослепительной улыбкой спросила она.

Надежда умерла страшной смертью от сердечного приступа. Неужели молодому врачу пятнадцати лет от роду придется выслушивать грязную ложь от старой симулянтки в самом начале своей карьеры? Нет, так нельзя. Это было бы просто несправедливо.

– Честно говоря, прекрасно, – сказала я и посмотрела на часы. – Собственно, мне уже гораздо лучше, и, пожалуй, я не буду отнимать у вас...

– Пойдите! – распорядилась она неожиданно командирским тоном, когда я встала и повернулась к двери. – Давайте все-таки немного поговорим о том, почему вы пришли. Раз уж вы здесь. Несмотря на то, что вам уже лучше.

– Ну... – Помедлив, я отпустила дверную ручку. – Я хотела попросить у вас справку. Справку для работы. О болезни. – Что за черт. Чужому человеку врать было проще. Совсем не то, что врать священнику, а я чувствовала бы себя именно так, если бы вместо этой девушки здесь был доктор Льюис. Я посмотрела ей прямо в глаза, что оказалось не так-то просто, потому что ее почти не было видно из-за стола. – Я плохо себя чувствовала последние несколько дней.

– Правда? – В голосе ее было столько симпатии, что я окончательно рассталась с дверной ручкой и вернулась к столу. – Пожалуйста, садитесь. И расскажите мне, как именно вы себя чувствовали.

– Мне было плохо. Совсем-совсем плохо. Не рвало, но...

– Мутило?

– Да! И головная боль. И... ну, в общем... гадость. Вы и сами знаете.

– Жар? Боли?

– Да! – Я посмотрела на нее с уважением. Она придумывала симптомы гораздо лучше меня. – Озноб. Потливость. Вирус, наверное? – добавила я с надеждой.

– Аппетит пропал?

– Точно.

– Плохо спали?

– Глаз не смыкала.

Я уже начала забывать, что я вру. Некоторое время доктор Холкомб писала какие-то каракули в моей карточке, потом внезапно встала (не могу сказать, что после этого она стала гораздо выше) и направилась ко мне с термометром, очередной электронной штуковиной, которую сунула мне в ухо. В ухо! Я вздрогнула и в изумлении воззрилась на нее:

– Вы думаете, это какая-то ушная инфекция?

– Нет, – засмеялась она. – Просто мы так сейчас это делаем.

Не успела я выразить свое удивление, как она уже пощупала мне пульс, проверила железки на горле и за ушами, заглянула мне в глаза и надела мне на руку манжету для измерения давления.

– Тут, похоже, все в порядке, – улыбнулась она.

Ну вот и все. Никакой справки, просто выволочка за симуляцию и зря потраченное время. Я повесила голову, ожидая нотации. Я снова в школе, в кабинете у завуча, которая выговаривает мне за прогулы. «И что ты выдумаешь на этот раз, Элисон?» – «Извините, мисс, мне нужно было успеть в банк до закрытия, чтобы получить там пять миллионов, которые я выиграла в лотерею».

– Вас что-нибудь беспокоит? – спросила очень юная и очень маленькая врачиха очень нежным голоском.

Я в изумлении уставилась на нее.

– Беспокоит? – тупо повторила я.

– Какие-нибудь проблемы в семье? В отношениях с людьми? С деньгами?

Это что, соцопрос? Надо выбрать один вариант или можно поставить галочку на всех трех?

Доктор Холкомб водила пальцем по моей карточке, потом вдруг остановилась и задумчиво постучала по странице, прежде чем снова посмотреть на меня:

– Волнуетесь из-за того, что вам вот-вот исполнится пятьдесят?

– Вам звонил мой муж! – ахнула я. – Это точно он! Или дети! Господи боже мой!

– Они не звонили. А что, должны были?

– Нет!

Я разозлилась. Опять меня заставляют обсуждать это проклятое пятидесятилетие, когда я всего-навсего хотела получить справку для работы.

– Просто они все считают, что я не хочу это признавать! – сердито выпалила я.

– А вы не хотите?

Врачиха совсем мне разонравилась. Меня не устраивало, как она бросает мне мои же слова, да еще таким спокойным, мягким голосом: «Не хотите?», «Должны были?», «Правда?».

– Нет, это глупости! Просто я не желала устраивать прием по этому случаю, и они его отменили. А потом у меня на работе все только и делали, что болтали об этом пятидесятилетии, и действовали мне на нервы, и я сказала им, что мне всего сорок девять, а тогда...

– У вас неприятности на работе?

– Нет!

Я почувствовала, что краснею. Меня загнали в угол и застали врасплох. Я знала, с самого начала знала, что она разгадает мою ложь.

– Ну, – признала я, беспомощно пожимая плечами, – серьезных неприятностей нет. Просто я не нравлюсь Николя, и она сговорилась с Саймоном, нашим управляющим директором, и он сделал мне серьезное предупреждение.

– Вам нравится ваша работа?

Какое это имеет отношение к делу, черт возьми?

– Благодаря ей я оплачиваю счета, – пробормотала я.

За исключением лекарств для кота и ремонта машины.

Доктор Холкомб яростно строчила что-то в моей карточке. Она выглядела очень заинтересованной и довольной. Хорошо, что хоть кто-то доволен.

– Что ж, – сказала она наконец, отложив ручку и снова откинувшись в кресле. Она посмотрела на меня и улыбнулась своей ангельской улыбкой: – По-моему, нет у вас никакого вируса.

Черт. Не так уж я хорошо вру, как выяснилось. Я взяла сумочку, готовясь с позором ретироваться, но уголком глаза заметила, что она снова взяла ручку и начала писать справку. Да! Она сжалилась надо мной! Она даст мне отдохнуть несколько дней, несмотря на то что я закоренелая лгуныя! Кто сказал, что государственная система здравоохранения плохо работает? Лично я голосую за немедленное повышение зарплаты врачам!

– У вас стресс, – сказала она, все еще улыбаясь.

Стресс? Какой стресс?! Нет у меня никакого стресса!

– У меня в жизни не было стрессов! – запротестовала я.

– Вы подавляете его – стараетесь сдерживаться.

– Да?

– Все ваши проблемы из-за этого. Я хочу, чтобы вы прочли эту брошюру. И эту тоже. –

Она протянула мне две книжечки.

«Стресс в среднем возрасте» и «Психиатрические проблемы женщин в период менопаузы». Чудесно. Огромное спасибо. Я пришла сюда, чувствуя себя юной лживой хулиганкой, а ухожу старой психопаткой, страдающей от стресса.

– И вот ваша справка, – добавила врача.

Ну, и на том спасибо. Я самым невоспитанным образом выхватила у нее справку и бросилась к двери.

– Отдыхайте! – крикнула она мне вслед. – И непременно зайдите ко мне, прежде чем попытаетесь снова выйти на работу.

Попытаюсь? А что, это будет так сложно? Может, я разучилась пользоваться ногами или совсем спятила и могу забыть дорогу? Она мне чего-то не сказала? К тому времени, когда я добралась до дома, мною полностью овладела паника. Я выудила из сумочки свою справку и положила ее на стол. Что она тут нацарапала? Почему врачей никогда не учат писать как следует? И вдруг внезапно все слова стали сокрушительно, отвратительно понятными: «Страдает от переутомления на работе и связанного с этим стресса».

Стресс от переутомления на работе!

Стресс от переутомления на РАБОТЕ!

Глупая курица! Ну какого черта она это написала? И как я покажу такое на работе? Как, черт побери, я выйду на работу в понедельник и покажу такое Саймону? «Вот, пожалуйста, справка, здесь написано, что я не ходила на работу, потому что от вас и вашей работы меня тошнит». Да, ему понравится, это уж точно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.